

27
Р. 3387

СВЕТ
ПОБЕДЫ

ЭСТРАДНЫЙ
СБОРНИК

ИСКУССТВО

С В Е Т П О Б Е Д Ы

С Б О Р Н И К
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ЭСТРАДЫ,
ТЕАТРОВ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1 9 4 5
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„И С К У С С Т В О“
Москва — Ленинград

Обложка художника
А. Сурикова

Редактор *С. Коляджин*
Музыкальный редактор *М. Норданс* и

Л10329. Подписано к печати 26/IV 1945 г., «Искусство» № 8'4. Кол. печ. листов
Уч.-изд. л. 7,02. Знаков в 1 печ. л. 30.357. Тираж 500.0 экз. Зяк. 440, Цена 1 р

Тип. «Красный печатник», Москва, ул. 25 Октября, 5

М. Исаковский

СЛОВО ОБ ОТЧИЗНЕ

Советская отчизна,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Что ты перенесла?..

В годину испытаний,
В боях с ордой громил
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Сыны твои бесстрашно
Врывались в самый ад,
Ложились под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросались с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливались грудью
На вражий пулемет.
В боях стояли насмерть
У речек, у высот...

Скажи: а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал,
Ты сеяла и жала,
И плавил металл;
Рубила в шахтах уголь,
Валила наземь лес,
Заводы возводила,
Сдвигала горы с мест.

Бессменно ты стояла
На вахте фронтовой,
Чтоб на врага обрушить
Удар смертельный свой.
И в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей.
И он пришел! Победа
Твоя недалека:
За Тиссой, за Дунаем
Твои идут войска
Твое пылает знамя
Над склонами Карпат,
На подступах к Берлину
Твои костры горят,
Твои грохочут пушки
Над прусскою землей
Огни твоих салютов
Всплывают над Москвой...

Скажи: какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величьи
Вовеки не вставал!

Ты выше всякой славы,
Достойней всех похвал.
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Придут и благодарно
Поклонятся тебе.

Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За все, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская отчизна,
Родная наша мать!

СЛАВА СОВЕТСКОЙ ДЕРЖАВЕ

Слова М. Исаковского

Музыка В. Захарова

Торжественно

Т
ХОР
Б

1 Жи- ви, кра- суй- ся во все вре- ме- нз, бес-

- смерт- ных дум и дел стра- на, стра-

на где прав - ду и честь сво - ю на -

The first system of the musical score consists of two staves. The upper staff is a vocal line with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The lyrics are written below the notes. The lower staff is a piano accompaniment with a grand staff (treble and bass clefs). The music is in a 2/4 time signature.

The piano accompaniment for the first system, showing the grand staff with treble and bass clefs. The music is in a 2/4 time signature and features a steady rhythmic accompaniment.

род от ста - ял в бо ю

The second system of the musical score consists of two staves. The upper staff is a vocal line with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The lyrics are written below the notes. The lower staff is a piano accompaniment with a grand staff (treble and bass clefs). The music is in a 2/4 time signature.

The piano accompaniment for the second system, showing the grand staff with treble and bass clefs. The music is in a 2/4 time signature and continues the accompaniment from the first system.

Музыкальный фрагмент, состоящий из вокальной партии (верхняя линия) и фортепианного сопровождения (нижняя линия). Вокальная партия имеет русские тексты: «Слава́ ся во ве́ки жи́в.».

Фортепианное сопровождение к первой системе, включающее правую и левую руки.

Музыкальный фрагмент, состоящий из вокальной партии (верхняя линия) и фортепианного сопровождения (нижняя линия). Вокальная партия имеет русские тексты: «Сла́вь ся во ве́сех у́го́лках,».

Фортепианное сопровождение ко второй системе, включающее правую и левую руки.

на ша стра. на тру-до-ва я

сла-вья-ся на всех я-зы-ках! -2 Кр- лет!
3 И

Живи, красуйся во все времена,
Бессмертных дум и дел страна,
Страна, где правду и честь свою
Народ отстоял в бою.

Славься вовеки живая,
Славься во всех уголках,
Наша страна трудовая,
Славься на всех языках!

Крепи и зорко оберегай
Союз народов и племен,
Из рук державных не выпускай
Победных своих знамен.

Славься вовеки живая,
Славься во всех уголках,
Наша страна трудовая,
Славься на всех языках!

Иди вперед молода и сильна,
Заветам Ленина верна,
И Сталинской правды огонь живой
Да будет всегда с тобой.

Слава Советской державе,
Родине гордых побед!
Ленину, Сталину слава!
Слава на тысячи лет!

• • •

Хамид Алимджан

РОССИЯ

О, Россия! Россия! Могучая Родина,
Беспредельно огромная, как небосвод.
Даже солнце, пока полпути им не пройден
Тебя сразу сиянием не обоймет.

Поезда в многодневном пути задыхаются,
Пробежав от закатной черты на восход,
Птицы с неба не раз отдыхать опускаются,
Совершая над ширью твоей перелет.

Сокрушит твоя сила все злые напасти,
Землю солнце любви твоей светом зальет.
Ты воздвигла твердыню свободы и счастья,
Где семья наших братских народов живет.

Честь великая — дней твоих встретить начало
В колыбели твоей, под напевы твои.
В каждом доме, где Пушкина имя звучало,
Дышит, свято хранима, и речь Навои.

О, какую громадою дум обняла меня
Моя память у дальних твоих берегов!
И увидел я меч твой карающий в пламени,
Под Москвой опрокинувший орды врагов.

Под лучами любви твоей солнце тускнеет,
Под лучами любви твоей тают снега,
Перед гневом священным твоим цепенеет
И во прах сокрушается сила врага.

И увидел я вражьи твердыни разбитые
И услышал твой гром, грохотавший в бою.
Видал я, как орлы твои плыли над битвою,
И увидел в глазах их победу твою!

О, Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.
Я — твой сын, плоть от плоти твоей, кость от кости,
И пролить свою кровь за тебя я готов.

Перевел с узбекского Владимир Державин

* * *

Антон Пришелец

ОСВОБОЖДЕННАЯ

В грозах, в дыму походов,
Под вражьем смертельным валом
Ты три с половиной года,
Отторгнутая, стонала.

Жестокая, злая сила
Прошла твоей стороною
И свет золотой закрыла,
И кровь разлила рекою.

В полях не шумело жито,
Сады не цвели, завяли.
И вся ты была изрыта,
Иссечена вражьей сталью.

Лугов неоглядных зелень
Теплом не была согрета,
И жаворонки не пели
Над ними в часы рассвета.

В неметчину шли подростки
Тропинкою полевой, —
Остались на перекрестке,
Расстрелянные конвоем.

Дымилась в пожарах степи,
Живые леса пылали,
И черною тучей пепел
Клубился над мертвой далью.

И рек твоих светлых воды
Мутились, пересыхая...
Ты три с половиной года
Страдала, земля родная!

И вот —
Он сметен, твой лютый
Поработитель кровавыи!
Да будет эта минута
Венцом твоей вечной славы!

Ты снова свободно дышишь
Всею ширью твоей орлиной,
Под материнской крышей
Сплоченная воедино.

Уже, расправляя плечи,
Сведенные черным горем,
Ты тянешься вся навстречу
Распахнутым мирным зорям.

Уже по дорогам боя
Звонят топоры и пилы,
И пахнет вокруг смесью,
И густо встают строила.

На месте родного крова,
На грудах золы и пыли
Мы все восстановим снова,
Чем жили и что любисты.

Мы снова тебя распашем,
Дома окружим садами.
Да здравствует жизнь
На нашей
Земле, возрожденной нами!

И пусть не смолкает слава
Твоим сыновьям-героям,
Кто пал от руки кровавой,
Как честный и верный воин

Кто жизнь
За отчизну отдал,
Врага твоего сметая,
Земля моего народа —
Бессмертная и святая!

* * *

Гурген Борян

В П Е Р Е Д !

На запад мы твердо и властно шагаем,
Нас к цели единой отвага ведет.
Сквозь пламя к победе мы путь пролагаем,
На знамени — гордое слово: Вперед!
Вперед!

От края до края гремит это слово,
Девиз величавый и клич боевой,
От Волги к вершинам Казбека седого,
Над всей необъятною нашей страной:
Вперед!

Взывают родные кавказские горы,
Поля, города, волны каждой реки,
И песня, летящая в наши просторы,
И братская кровь, и стальные штыки:
Вперед!..

Зовут нас сердца, что тоскою объята,
Горячие слезы, печаль матерей,
Бездомные дети, сожженные хаги
И честь благородной отчизны моей:
Вперед!

Вперед — это жизни второе рождение,
Вперед — это нечисти вражьей конец,
Вперед — это нашей земли обновление,
Вперед — это имя победы, боец!

Пусть недруги наши не знают покоя,
Рази их, товарищ, суровой рукой!
Ведь сердце народа навеки с тобою,
И Сталина воля и мудрость — с тобой!

Перевод с армянского Е. Р. в с. Сергеев

* * *

Семен Кирсанов

НАСТУПЛЕНИЕ

Когда
наступает
советский народ
громადой
своей
легендарной,
и реки
и выступы горных пород
встречают его
благодарно.

Взирают курганы
на вал фронтовой,
на вспышки
из танковых башен,
и Днепр
отвечает народу:
— Я твой!

И степи волнуются:
— Наши!

Когда
наступает советский боец,
во мгле,
перед лязгом орудий,
у взорванных стен,
у разбитых крылец
встают
воскрешенные люди.

Он видит
всю горечь
народных утрат,
весь ужас
разбойничьей ночи,
навстречу
бросается
девушка:
— Брат!

И плачет старуха:
— Сыночек!

Когда наступает
советская жизнь,
светлеют
упрюмые своды,
заходят опять
огоньки
в этажи,
дышать
начинают
заводы.

Была эта область
два года тиха,
но молотом
только ударишь —
— Хозяин пришел! —
возглашают цеха,
и уголь грохочет:
— Товарищ!

Глазастые звезды
на небе горят,
торжественный
воздух
хрустален,
и предки
с потомками
говорят,
когда
наступает
Сталин.

Бессмертная песня
звонит в высоте,
победа
встает величаво,
проходят народы
и шепчут:
— Отец!
Века отзываются:
— Слава!

1833.57.

Вас. Лебедев-Кумач

ПОБЕДА

Победа! Какое крылатое слово!
Оно, как огонь, зажигает сердца,
Оно трепетать заставляет любого,
Оно подымает на подвиг бойца!

Оно, как весенний стремительный ветер,
Сдувает усталость и дух веселит.
Победа — и звезды лучистее светят,
Победа — и солнце светлее горит.

Победа! Ты с нами! Ты нас осенила
Своим молодым и широким крылом,
Мы чует твою богатырскую силу,
Мы в битвах мужаем и в битвах растем.

Победа — и залпы гремят над Москвою,
И трубы играют, и губы поют.
Привет тебе, пахарь! Салют тебе, воин!
Великому Сталину — трижды салют!

• •

Степан Щипачев

ВЕСНА 1945 ГОДА

Нет и следа от мартовских недель,
От снега дряблого — над площадями,
Над черным сквером теплыми дождями,
Ветрами южными шумит апрель.

И там, в чужой, далекой стороне —
У самого проклятого Берлина —
Уж сохнут брызги грязи на броне,
Немецкая на гусеницах глина.

Идет весна. О, кто ее не ждал!
Чтоб в небе голубом над каждым домом,
Над каждою травинкой прохотал
Победы гром весенним первым громом.

• • •

ПОБЕДНЫЙ ТОСТ

Слова С. Алымова

Музыка А. Новикова

Оживленно, празднично

Ф-п.

ff

mf

The piano introduction consists of two systems of a grand staff. The first system features a right-hand melody with a long slur and a dynamic marking of *ff* (fortissimo). The left hand provides a rhythmic accompaniment. The second system continues the melody, with a dynamic marking of *mf* (mezzo-forte).

The piano accompaniment for the first system is shown in a grand staff. It features a steady rhythmic pattern in the left hand and a melodic line in the right hand, mirroring the vocal line's structure.

Сол.

mf

The vocal line for the first system is written on a single staff. It begins with a dynamic marking of *mf* (mezzo-forte) and includes a tempo marking *Сол.* (Allegretto).

1. Пре-ми, как пес-ня бо-е-ва-я са-лит по-

tr

The piano accompaniment for the second system is shown in a grand staff. It features a steady rhythmic pattern in the left hand and a melodic line in the right hand, mirroring the vocal line's structure. A dynamic marking of *tr* (trio) is present.

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокал поет: «. бе . ды над Мос . квой Хо . ды по кру . гу.»

Музыкальный фрагмент с фортепиано. Видны ноты и аккорды на клавиатуре.

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокал поет: «кру - го - ва - я во сла - ву Ро - ди - ны свя -»

Музыкальный фрагмент с фортепиано. Видны ноты и аккорды на клавиатуре.

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокал поет: «там Хо . ды по кру . гу, кру - го - ва . я.»

Музыкальный фрагмент с фортепиано. Видны ноты и аккорды на клавиатуре.

Для повторения

Во славу Ро . ди . ны свя . той >

Для окончания *accel.* *cresc.*

той!

f *accel* *cresc.*

ff

I

1. Гречи, как песня боевая,
Салют победы над Москвой.
Ходи по кругу, круговая. } 2 раза
Во славу Родины святой!
2. Наполним чаши, кругом станем,
Обычай русский соблюдая,
И первый тост заздравный грянем } 2 раза
Во славу нашего вождя!
- (Отыгрыш.)

II

1. За тех я шел с победой рядом,
Кто был защитником морей,
За храбрецов под Сталинградом, } 2 раза
За всех бойцов-богатырей!
2. Героев наших вспоминаем,
Вовек их слава не умрет.
Вторую чашу поднимаем } 2 раза
За нашу Армию и Флот!
- (Отыгрыш.)

III

1. Пусть наша слава на столетья
Венчает грозную войну!
Мы поднимаем чашу третью } 2 раза
За наш народ, за всю страну!
2. Мы все — от края и до края —
Победу празднуем с Москвой!
Ходи по кругу, круговая, } 2 раза
Во славу Родины святой!

* * *

Степан Щипачев

ЗНАМЯ

Вот они, бессмертной книги главы:
Щорса и Чапаева дела.
Дерзкою красноармейской славой
Молодость овеяна была.

Пусть война теперь не та, но с нами
Тех походов' ветер боевой.
Ленинское, сталинское знамя
Так же все шумит над головой.

Сквозь огонь и прах оно летело,
Мы под ним до Франкfurта дошли,
И под ним Матросов и Гастелло
Для геройских подвигов росли.

И, под этим знаменем шагая,
Будет вечно молодость красна...
Ничего, что голова седая,
Молода под ним и седина.

* * *

Алексей Сурков

ДОРОГИ ВЕДУТ В БЕРЛИН

Поля Восточной Пруссии отлоги,
С карпатских гор открыта ширь долин.
Вперед, друзья! Сегодня все дороги
Ведут в гнездо разбойничье, в Берлин.

Мы прозный меч народа-исполина,
За нами путь сражений и побед.
Пройти дорогой славы до Берлина
Мы дали нашей Родине обет.

И мы дойдем туда под свист снаряда,
Сквозь бури пробиваясь напролом.
Нам светит в битвах солнце Сталинграда,
Мы мужеству учились под Орлом.

За годы крови, боли и тревоги,
За черный ужас фронтовых ночей
Мы для расплаты вырвем из берлоги
Насильников, убийц и палачей.

Когда с земли кровавые уроды
Исчезнут безвозвратно, навсегда,
Вдохнут легко и радостно народы
Под сенью мира, счастья и труда.

* * *

Демьян Бедный

CARTHAGINEM ESSE DELENDAM!*

«Алленштайн, Инстербург, Гори.
Гнезен, Оппельн, Глейвиц не имеют
ничего общего с обороной совет-
ских границ. Этому никто не пове-
рит... Германии, правда, приходи-
лось вести войну за пределами
своих собственных границ, но тем
самым она защищала свое бытие».

(„Фелькишер Beobachter“ от 2/1) 1945 г.

К нам доносится с вражьих газетных страниц
Вой фашистских присяжных словесных блудниц.
Наше им не по вкусу совсем поведение:
«Это не оборона советских границ,
Это — форменное нападение!
Немцы, правда, в чужие вторгались страны,—

* «Картагинем эссе делендам!» — «Карфаген должен быть разрушен!»

Говорится в одной преподлейшей статье,—
Но у нас были самые мирные планы:
Этим мы защищали свое бытие!»

До какого бесстыдства дошли шарлатаны
В своем наглom, тупом, неуклюжем вранье,
Что выходит по их пониманию:
Немцы, вторгшись в Норвегию, в Грецию, в Данию,
Защищали Германию!
В Югославию вторглись немцы, в Албанию,
Защищая Германию!
Вот какую плетут эти гады канву:
Мол, затеяв провальный поход на Москву,
Белоруссию, всю Украину
Превративши в руину,
Сияясь Волгу, Кавказ захватить за компанию,
Немцы лишь... «защищали Германию!»
Но когда в их разбойное вторглись мы логово
Для суда, для возмездья разбойникам строгого,
Немцы Лазаря гнусно поют:
— Кар-раул! В нашем доме нас бьют!
Разоряют исконное наше владение!
(Плачут немцы, для слез нехватает слезниц.)
Это — не оборона советских границ,
Это — форменное нападение!
Это — страшный потоп!
В нем потонет Европа!!
(Для иных, потрафляющих немцам, особ
Эти вопли приятней любого сиропа!)

Немцы воют в расчете кого-то «пугнуть»,
Затруднить клеветою победный наш путь,
Оттянуть как-нибудь
Час суровой расплаты.

Мы в Берлин пробиваемся. Время не ждет.
Но мы скажем, с врагом не вступая в дебаты:
— Никого не обманете вы, супостаты!
Этот номер у вас не пройдет!
Вы грозитесь, что тяжкие ваши утраты
Возместятся сторицей, что ваши солдаты

Вновь вернут вам все прежние ваши захваты.
Вы находите нужным про это трубить?
Потому-то в Берлин мы торопимся, веря,
Что фашистского зверя,
Захвативши Берлин, будет легче добить!
Зло живуче: его вырывать надо с корнем!
И мы так говорим о своей обороне:
Нам разбойник грозит? Мы разбойника вздернем
В его собственном черном, разбойном притоне!

Карфаген был для римлян «опасный притон».
Был по-своему прав осторожный Катон,
Утверждавший упорно, коль верить легендам,
Что «Картагинем эссэ делендам!»

От фашизма нельзя оставлять и следа:

Его надо убить — навсегда,

Применив в этом деле испытанный метод:

Почву всю удалив, на которой возник

Заразительный этот

Фашистский гнойник!

• • •

КРАСНАЯ АРМИЯ, СЛАВА ТЕБЕ!

Слова С. Алымова

Музыка Д. Васильева-Буглая

Победно в темпе торжественного марша

Тенора

Бас

Ф-п

f

mf

1 Ар-ми-я брат-ства

Detailed description: This system contains the first three staves of the musical score. The top staff is for Tenor (Тенора), the middle for Bass (Бас), and the bottom for Piano (Ф-п). The piano part features a complex rhythmic accompaniment with many beamed notes. Dynamics include *f* (forte) and *mf* (mezzo-forte). The lyrics '1 Ар-ми-я брат-ства' are written below the piano staff.

- ве - ки е-ди-на-я друж-ба на-ро-дов на брат-ных по-лях

Detailed description: This system contains the next three staves of the musical score. The top staff is for Tenor (Тенора), the middle for Bass (Бас), and the bottom for Piano (Ф-п). The piano part continues with its complex accompaniment. The lyrics '- ве - ки е-ди-на-я друж-ба на-ро-дов на брат-ных по-лях' are written below the piano staff.

Стой. кость железная. Му. же. стас лви. но. е рус. ски. е зо. и. ны

ь пер. ных ря. дах. Все. ми лю. би. ма. я

лю. би. ма. я,

по бо ла ма я гро - му га.

добр а я в бит - вех ли хит.

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокальные ноты соответствуют русскому тексту.

... бла-го род-на я, пер-дость на.

ты бла-го-род-на я

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокальные ноты соответствуют русскому тексту.

род-на я, сча-стье и мир на зна-ме-нах тво-

их. Слетьи мир

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокальные ноты соответствуют русскому тексту.

Для повторения	Для окончания

--	--

1

Армия братства навеки единая,
 Дружба народов на бранных полях,
 Стойкость железная, мужество львиное,
 Русские войны в первых рядах.

П р и п е в:

Всеми любимая,
 Непобедимая,
 Грому подобная
 В битвах лихих,
 Ты — благородная,
 Гордость народная,
 Счастье и мир
 На знаменах твоих.

2

Ленин вдохнул в тебя силу содружества,
 Любит тебя и лелеет народ.
 Красную армию — армию мужества
 Сталин великий к победе ведет.

П р и п е в:

3

Грудью своей защищая отечество,
 Ты побеждаешь в сраженьях всегда.
 Красная армия — друг человечества,
 Мира оплот и защита труда.

П р и п е в:

Всеми любимая,
 Непобедимая,
 Грому подобная
 В битвах лихих,
 Ты — благородная,
 Гордость народная,
 Счастье и мир
 На знаменах твоих.

* * *

А. Твардовский

РАСПЛАТА

Хрустит чужое под ногой
Стекло и черепица.
Вдали за нами край родной,
Земли родной граница.

Да, мы иных, чем ты, кровей,
Иных знамен солдаты,
И мы сегодня по твоей
Земле идем с расплатой.

Как занялся огнем твой дом,
Ты увидал впервые,
А нам тот запах так знаком,
И дым тот очи выел.

Прошло, сменилось три травы
Вдоль той дороги долгой:
От Верхней Волги, от Москвы,
Да что! — от Нижней Волги.

А память-боль, на том стоим,
Она не убавлялась,
Она от мертвых к нам, живым,
В пути передавалась.

И тот, кто нынче приведен
В твои края войною,
Двойною ношей нагружен,
А, может быть, тройною.

И мы не с тем сюда пришли,
Чтоб здесь селиться хатой.
Не надо нам твоей земли,
Твоей страны проклятой.

Нас привела сюда нужда,
Неволя, не охота.
Нам только надо навсегда
Свести с тобою счеты.

И мы тревожим чуждый кров'
Священной мести ради.
И суд наш праведный суров,
И места нет пощаде.

И не у нас ее проси,—
Мы будем мертвых глуше.
Проси у тех, чьи на Руси
Сгубил невинно души.

Проси у тех, кого ты сжег,
Зарыл в земле живыми,—
Не шевельнется ли песок,
Притоптанный над ними?

Проси у тех, кому велел
Самим копать могилу.
Проси у тех, кого раздел
В предсмертный час постылый.

Проси у девочки, у гой,
Что, в дула ружей глядя,
Спросила с детской простотой:
— Чулочки тоже, дядя?

У той, худое тельце чье
У края рва поставил...
Проси пощады у нее,
А мы щадить не вправе.

У нас оглохшие сердца
К твоим мольбам бесстыдным,
Мы справим суд наш до конца,
А после будет видно...

Четвертый год солдат в борьбе
И сколько дней в чужбине!

Земля родная, о тебе
И сны и думы ныне!

Игнатий Рождественский

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

В этот день помолодеют люди,
Расплеснется солнце в синеве.
Голоса громовые орудий
Возвестят о нашем торжестве.

Он в века войдет бессмертной датой.
Будет в мире наше торжество
Радостнее радости крылатой
И счастливей счастья самого.

Как чертог, лучами осиянный,
Этот день поднимется из тьмы,
Потому что праздник долгожданный
Всем народом выстрадали мы.

Всем народом вынесли мы беды,
Всем народом шли мы под огнем.
На великом празднике победы
Сталина мы первым назовем.

* * *

Алексей Сурков

АЛЛЕЯ ПОБЕДЫ

Берлинские сумерки дымны и мглисты,
По Зигес Аллее идут фольксштурмисты.

От белого инея брови мохнаты,
По Унтер ден Линден шагают солдаты.

Не глядя на зданья, аллеи и скверы,
Понуро, не в ногу бредут офицеры.

Ни роз, ни приветствий, ни трепета флага,
Ни звона оркестров, ни прусского шага,

Ни слитного рева: «Нах остен! Нах остен!...»
Лишь низкое небо в морозной коросте

Да хмурые взгляды, да смутные речи,
Да толпы бегущих с востока навстречу,

Да там, впереди — контратаки, окопы...
Ну, что ж ты притих, покоритель Европы?

По Унтер ден Линден, по Зигес Аллее
Ты шел в сорок первом куда веселее.

— Хайль Гитлер! — орал ты, багров от натуги,
— Хайль Гитлер! — орали друзья и подруги.

— Нах остен! — В Московию! В русские степи!
Сгорели мечты, и развеялся пепел.

И вот ты, как кляча, плетешься «нах остен».
Свирепая стужа вгрызается в кости.

А ветер, как русская степь, беспощаден,
А фюрер твой жалкий сбежал в Берхтесгаден,

А крепнувший гром канонады жестокой
Метели на крыльях приносят с востока.

Надвинулись сроки последней расплаты
За слезы, за кровь, за сожженные хаты,

За пепел села, за руины завода,
За острую боль сорок первого года.

Грохочут над Одером наши орудья.
Идут Бранденбургом суровые судьи.

По бургам твоим, по твоим автострадам
Пехота шагает с танкистами рядом.

Кто в громе обвала удержит лавину?
Что день, то короче дорога к Берлину.

Сметая засады, ломая заслоны,
Стремительным маршем идут батальоны,

Чтоб вырвать победу в сраженьи жестоком,
В берлинские улицы хлынуть потоком,

Чтоб вспыхнуло знамя, победно алая,
На Унтер ден Линден, на Зигес Аллее.

* * *

Евгений Долматовский

П Р А З Д Н И К

По бетонной автостраде
Стокопытный перестук.
Скачут маленькие кони,
Появившиеся вдруг.

По ветру казачья бурка,
Словно черное крыло.
Кавалерия влетает
То ли в город, то ль в село.

Здесь в кирпичном крайнем доме
Все наыворот, вверх дном:
Украинская девчонка
Восседает за столом.

Перед нею ходит немка,
Суетится, подает
Жареных цыплят и сало,
И прозрачный желтый мед.

Украинка-хохотунья
Бьет в ладоши — фрау, быстрее!
Два лихих кавалериста
Завели во двор коней

И в немецкие покои
Входят, шпорами звеня.
— Фрау, быстрее! — кричит девчонка,—
Нынче праздник у меня.

За три года ты впервые
И смеешься и поешь.
Немка вносит блюдо студня
Вся, как студень, в пальцах дрожь.

Выпьем, что ль, по чарке рому,
Гост хороший есть один:
Чтоб тебе скорей до дому,
Чтобы нам скорей в Берлин.

Улыбается девчонка,
Время песню запевать:
«Роспрягайте, хлопцы, кони
Та лягайте спочивать».

* * *

ПЕСНЯ ДОВАТОРЦЕВ

Слова *Н. Кармазина*

Музыка *Вано Мурадели*

Allegro moderato

The first system of the musical score consists of three staves. The top staff is for the vocal line, marked with a treble clef and a common time signature. The middle staff is for the piano accompaniment, marked with a bass clef. The bottom staff is for the piano accompaniment, marked with a bass clef. The tempo is marked *Allegro moderato*. The first measure of the piano accompaniment is marked *pp*. The second measure is marked *mf*. The third measure is marked *p*. The piano accompaniment features a rhythmic pattern of eighth notes and sixteenth notes.

The second system of the musical score consists of three staves. The top staff is for the vocal line, marked with a treble clef and a common time signature. The middle staff is for the piano accompaniment, marked with a bass clef. The bottom staff is for the piano accompaniment, marked with a bass clef. The tempo is marked *Allegro moderato*. The first measure of the piano accompaniment is marked *p*. The second measure is marked *mf*. The third measure is marked *p*. The piano accompaniment features a rhythmic pattern of eighth notes and sixteenth notes.

НА ЛИ-ХИХ КО-НЯХ. ДВИЖУТ СЯ КУ-БАНЬ-ЦЫ НА ЗА-КИ-ГВАР-

This system contains the first two lines of music. The top line is a vocal melody in a treble clef with lyrics. The bottom line is a piano accompaniment in a bass clef. The lyrics are: "НА ЛИ-ХИХ КО-НЯХ. ДВИЖУТ СЯ КУ-БАНЬ-ЦЫ НА ЗА-КИ-ГВАР-".

- ДОН-ЦЫ, ЧТОБ СРА-ЗИТЬСЯ ДОБ-ЛОЮ НА С НЕМ ЦА-РЫ В БО-

This system contains the second two lines of music. The top line is a vocal melody in a treble clef with lyrics. The bottom line is a piano accompaniment in a bass clef. The lyrics are: "- ДОН-ЦЫ, ЧТОБ СРА-ЗИТЬСЯ ДОБ-ЛОЮ НА С НЕМ ЦА-РЫ В БО-".

Эх
(часть теноров)

Их *forte* Двигутся ку. бон - цы ка - за - ки - ве - до - цы,

mf

чтоб сра - зить - ся доб - лест - но с нем - ца - ми. Их. Эх! Бек, ку -

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Текст: ...и Фр дит твои паз ... По.

Музыкальный фрагмент фортепиано, соответствующий второму такту системы.

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Текст: ...де не да ... На ... ду. *Ande maestoso*

Музыкальный фрагмент фортепиано, соответствующий третьему такту системы.

оставлю ю. на защиту Ро-ди-ны нас во-доло-

да-тер-ю. би-мы го-не-рал

по-бе-лу за-ну-ю

Ро-ди-ны нас во-дла-до-

ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ Темпо ритм

ва - тор, го, би ми же, не - ра

p *mf*

ДЛЯ ОКОНЧАНИЯ

расо а расо rit а ессе unis rit

- рас. Лю - би - ми те - не - рас

unis *rit*

p *mf*

Сквозь леса дремучие, с песнею веселою,
 С острыми клинками, на лихих конях,
 Двигутся кубанцы, казаки-гвардейцы,
 Чтоб сразиться доблестно с немцами в боях. } 2 раза

Припев:

Эх! Бей, кубанцы! Руби, гвардейцы!
 Рази фашистов подлых! Пощады не давай!
 На победу славную, на защиту Родины } 2 раза
 Нас водил Доватор, любимый генерал. }

С именем Доватора, полководца смелого,
 Грозною лавиною на врага мы шли,
 Где прошли доваторцы, казаки кубанские,
 Гитлеровцев полчища смерть себе нангли. } 2 раза

Припев.

Славными победами мы свой путь отметили,
 Били мы фашистов, бьем и будем бить
 Пушками, гранатами, миной, автоматами,
 Резать пулеметами и клинком рубить. } 2 раза

Припев:

Эх! Бей, кубанцы! Руби, гвардейцы!
 Рази фашистов подлых! Пощады не давай!
 На победу славную, на защиту Родины } 2 раза
 Нас водил Доватор, любимый генерал. }

* * *

В. Каверин

ГОВОРИТ МОСКВА

Рассказ

Облака цеплялись за вершины старых платанов. дикий лес сбегал к ущелью, и оттуда, снизу, всегда доносились плеск воды и глухие удары. Горная речка день и ночь боролась с камнями, толкала их, тащила за собой, и медленно, нехотя переваливались они в белой бешеной пене вдоль узкого русла. Это были два спорящих голоса — воды и камней. Но вот к двум голосам присоединился третий. Отступая к М., наши оставили радиостановку. Немцы разорвали провод и ушли, не рискуя надолго остаться в этом месте, где сама природа грозила им неизвестностью, смертью. Ветер ли, вдруг скатившийся с вершины горы, соединил провод с землей. ящерица ли, скользнувшая в сухом буреломе, но радио вдруг заговорило, и в глухих зарослях ущелья раздался спокойный человеческий голос.

— Говорит Москва, — сказал этот голос.

Пусто было вокруг, ни души.

Мальчик шестнадцати лет, пробиравшийся из разоренной станицы под Черкесском, был первым из людей, услышавшим этот голос. Его звали Коля Максимов. Родные его погибли, из дома он взял только несколько книг. На нем был оборванный чекмень, в заплочном мешке вместе с книгами лежал пистолет, который он снял с убитого немца. Радио остановило его. С изумлением прислушался он, потом подошел. Фанфары запели перед красноармейским часом: «Именем Родины, ни шагу назад». О делах великого мужества говорил этот голос. Картину фронтовой тишины рисовал он, и эта картина была страшнее самого боя. Глухо стучат в ночи лопаты саперов. Рыжие, зеленые, голубые ракеты взлетают над линией фронта. Неслышно крадутся разведчики среди высокой травы.

Положив под голову шапку, Коля лежал на спине и слушал, слушал, пока далекий бой кремлевских часов не донесся до него, воскресив родной дом, мать, запле-

тающую на ночь длинные косы, отца, задумчиво набивающего последнюю перед сном трубку...

В звоне цикад, в шуме воды старшина услышал слова, очень странные в немецком тылу, в ста километрах от фронта. Среди зарослей иудина дерева опытным взглядом он различил жилье, шалаш и яму. Он подполз, раздвинул ветки. Смуглый мальчик в оборванном чекмене ломал хворост у самодельного очага. Старшина окликнул его и назвал себя.

— Старшина второй статьи Иван Казаченко.

Это был «моряк всех флотов», как он называл себя в шутку. Он начал службу в погранохране на Дальнем Востоке. Он защищал Одессу. Он воевал с немцами на Баренцовом море. Оттуда с батальоном морской пехоты он вернулся на юг. Он был ранен в разведке, притворился мертвым. Пастухи подобрали его. Месяц он отлеживался в селении, а теперь шел, пробираясь к своим.

Так вокруг радио стали собираться люди. Все испытали они: и горькую муку немецкой неволи, и разлуку с близкими, и томительную неизвестность, от которой медленно умирает душа. И вот точно в темной комнате вдруг подняли шторы, и в окна хлынул ослепительный солнечный свет.

У каждого, кто останавливался в горном ущелье, была своя жизнь, своя мечта, свое горе. И каждому Москва говорила то, что он хотел услышать.

«Ты один на земле,—говорила она Коле Максимову,— твой дом разорен, отец убит, мать угнали враги. Но ты не один. Я с тобой, а я — сильная, смелая, большая. Я — это миллионы таких, как ты. Я — твое будущее, за которое ты должен сражаться. Будь же мужественен, стоек, бесстрашен. Ты увидишь меня. Все впереди».

«Что же, даром трудился ты на войне и храбро боролся с врагом на суше и море? — говорила Москва старшине. — Теперь ты в тылу врага. Но где ты, там и фронт. Оглянись, подумай о людях, которые окружают тебя. Это я свела тебя с ними».

Прошел месяц, и гости пришли в партизанский поселок, раскинувшийся на берегу горной речки. Опираясь на высокие палки, в широкополых войлочных шляпах,

длиннобородые, приветливо важные, два старика спустились в ущелье. Сыновья их служили в Красной Армии. Они пришли, чтобы послушать Москву, и она встретила их заунывными и величавыми песнями Кавказа.

— Что вам нужно? — спросили старики. И старшина ответил:

— Оружие и мясо.

Каждое утро он учил людей. Он учил их окапываться, маскироваться, добывать огонь, когда нет спичек, беречь ноги в походе. Он учил их читать следы. Он учил их звуковым и световым сигналам. И все это было то, о чем говорила Москва.

А по вечерам люди слушали музыку. Непостижимая, тайная сила влекла их вперед, — то звучала во всю ширь просторная русская песня. Украинская сменяла ее, и чудная необозримая степь от Тамани до Дуная рисовалась перед ними, пробуждая тоску и отвагу. Бывали дни, когда лесная музыка летела, едва касаясь земли, и, кажется, сколько ни гонись душа, а все не утнаться за этими звуками — резвыми, порхающими и вдруг идущими вперед как бы широким и тяжелым шагом.

— Как мы жили, а? — однажды с детским восторгом казал старшина. — Это даже удивительно вспомнить, как мы прекрасно жили!

Уже донеслась через линию фронта весть о том, что в немецком тылу действует нечловимый партизанский отряд. Уже падали от легчайшего ветра подпитенные столбы. Уже наварался на засаду немецкий кавалерийский разезд, и в отряде появились кони. Уже специально наряженная для борьбы с партизанами рота выезжала на машинах, когда отряд собрался вокруг радио, потому что это было шестого ноября, и никто не сомневался, что в этот день выступит Сталин.

Молча слушали люди, глядя в широкий просвет щелья, над которым вставали в необозримой высоте покрытые снегом горы. Кто знает, что чувствовали они в эту минуту? Судьбу ли свою видели впереди или думали о том, что, если и не доживут до победы, все равно не пропадет, не забудется их дело.

— Сегодня мы празднуем,— начал Сталин, и люди поднялись и вытянулись, как в строю... Он говорил, и как же ясно, как просто было все, что говорил он! Он говорил для всех, от мала до велика, для всего народа, который живет на советской земле. И едва он произнес последнее слово, как сторожевое охранение дало сигнал: «Видю противника», и люди рассыпались вдоль берега, готовясь к атаке. Старшина выключил радио. Теперь одни цикады звенели в кустах. Но вот рванулся воздух, и первые пули завизжали, не долетая до берега и ударяясь в каменистое русло.

Не дожидаясь атаки, партизаны перешли речку вброд и с яростью, с воодушевлением ударили на врага..

Как ветер рождается от далекого, незримого движения природы, так родился этот отряд от вдохновенного слова. История его еще впереди. Я рассказал только о том, что прочел на первой ее странице. Не одну тысячу километров прошел он с боями, и уже о нем, о его подвигах и славе говорила Москва в давно захваченном нашими войсками горном ущелье...

* * *

Сергей Васильев

МЕДАЛЬ «ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ»

Немеркнувшим светом
отваги народной
сияют нам
новой медали лучи.
С особенным чувством
любви благородной
носить будут эту медаль москвичи.

Немецкие орды,
от крови хмельные,
стояли уже
у порога Москвы.

Но мы
громоздили преграды стальные,
гасили
свистящие бомбы шальные,
писали упрямо
стихи призывные,
без устали
рыли глубокие ры.

В тревожные ночи
и в дни грозовые
мы знали,
что насмерть здесь будем стоять.
Что наша Москва —
это наша Россия,
И некуда далее нам отступать.

Мы верили в жизнь.
Мы Москве присягали.
Мы знали, что Сталин наш —
с нами в строю.

Мы пулей
и сердцем своим отстояли
столицу
Москву золотую свою.

Мы немца разбили.
Развеяли.
Смяли.

Мы стали достойны
всемирной хвалы.
Бессмертно достоинство нашей медали
«За оборону Москвы».

• • •

КОЛХОЗНАЯ ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Слова В. Гусева

Музыка Ф. Маслова

Широко
Бетховен

Пение

1 От колхозного вольного

ф. п.

края свои привет мы тебе принесли

Здравствуй, ма - ша сто ли - ца род - на я.

Здравствуй, серд - це со - вете кой зем ли! Здравствуй

...зи! 2 На - ша - ки!

181 Диалогическая

8

От колхозного вольного края
Свой привет мы тебе принесли.
Здравствуй, наша столица родная,
Здравствуй, сердце советской земли.

Мы к победам идем за тобою,
Мы с Москвою навеки дружны,
За Окой и за Волгой-рекою
Нам кремлевские звезды видны.

Ветер наши знамена колышет,
Наша песня летит по земле.
Пусть же Сталин великий услышит
Эту песню в московском Кремле.

Передай ты ему, дорогая,
Что от нашей счастливой земли,
От колхозного вольного края
Мы привет и любовь принесли.

Наша дружба вовек нерушима,
Наша молодость вечно жива.
Здравствуй, город родной и любимый,
Здравствуй, красная наша Москва!

* * *

Александр Прокофьев

МОСКВА, МОСКВА...

Москва, Москва, священная держава,
Благословляя, веря и любя,
Мы за тебя по долгу и по праву
И по любви мы бьемся за тебя!

За то, чтобы черемух пеной белой
Дымя-дымилась теплая земля,

Возликовав за отчие пределы,
В отраде жили русские поля;

За то, чтоб солнце гасло на затоне
И звезды отражались бы в реке,
За то, чтоб мать глядела с-под-ладони
На озаренном солнцем большаке;

За то, чтоб смолк повсюду рев орудий,
Чтоб хлеб и соль стояли на столе,
За то, чтоб просто радовались люди
На снова завоеванной земле!

* * *

Всеволод Павловский

СОЛДАТЫ

Рассказ

Когда наш поезд тронулся, в вагон вошел высокий, широкоплечий майор в полевых погонах, с тремя орденскими ленточками. Две золотые нашивки на его груди говорили о двух тяжелых ранениях.

— Разрешите сесть? — попросил меня майор.

— Может быть, хотите прилечь? — спросил я, как можно приветливее.

— Нет, спасибо. В госпитале належался. Хватит. Все бока отлежал, — добавил он сердито, достал платок и вытер лицо.

— Давно вы из госпиталя? — спросил я.

— Да только что, — ответил майор так же сердито. — Второй раз уже отлеживался. Везет мне!

И опять наш разговор прервался.

— Когда я в первый раз вышел из госпиталя, на запад шли войска, — сказал майор внезапно. — Теперь

вот народ двинулся. Это жизнь идет. А мы, так сказать, расчищаем дорогу для жизни.

И майор посмотрел на свои отдохнувшие, белые руки, видно много поработавшие на этой «расчистке», а затем пытливо взглянул на меня.

— Знаете, жизнь — понятие как будто простое, многие даже не задумываются над этим, ну, а я, например... Откровенно говоря, я смотрю на жизнь с благоговением.

Он вдруг улыбнулся, и его суровое лицо приятно изменилось: улыбка тронула глубокие морщинки под глазами, и сами глаза его, светлые, глубоко запрятанные, теперь точно приблизились. Они смотрели доверчиво, с приветливой добротой.

— Я вам расскажу про одного парнишку, — сказал майор. — Дело было в Сталинграде во время боев. Вышло так, что я с шестью бойцами отсиживался в осажденном доме: немцы нас окружили, — в общем обычная история. Домик мой был двухэтажный, на вид убогий, а оказался крепыш: стены в три кирпича толщины. Такой орешек сразу не раскусишь — зубы поломаешь. Представьте себе такую картину: дом медленно горит, все время идет дождь, грязный от сажи, через пробитую крышу течет вода, стены дома качаются от непрерывных взрывов, сыплется известка с потолка, в голове гудит, а на зубах скрипит эта известка. Что я в это время переживал, трудно мне разобраться, но твердо помнил только одно: держать дом до последней возможности и живыми не отдаваться!

И вот наступил такой момент, когда из моего гарнизона в живых осталось только двое: я да еще один боец. Этого бойца я никогда не забуду. Да... Никогда! Митька его звали. Мелкий такой паренек лет шестнадцати. Сам он был сталинградский, из тракторозаводской дружины к нам в часть перешел. Отец его где-то воевал, мать во время бомбежки убило, в общем он один остался.

Смотрю я на своего Митьку: шлем ему велик, в плечо упирается, он даже согнулся под ним, как щыпленок,

и стоя спит. Я молча потрянул его за плечо, он испугался.

— Виноват, товарищ лейтенант!

В то время я лейтенантом был. Ладно, стоим, ждем. Думаю, из Митьки боец слабый, по существу нас полтора бойца. Гранаты кончились и патроны на исходе. Будет последний бой, тут драться надо умно.

— Идут, товарищ лейтенант! — докладывает мне Митька.

— Вижу, — отвечаю ему. — Тихо!

Надо сказать вам, я — сибиряк, до армии всю жизнь в тайге прожил, на золотом прииске штейгером работал. Ну, ясно, охотник, и на медведя ходил. Это мне пригодились.

У меня диск последний опустел. Вынул я диск из митькиного автомата, а ему вставил свой. Отсчитал пять патронов и вручил автомат.

— Держи, Митяй, на крайний расход. Больше тебе не полагается. Если бы моя воля, отправил бы тебя на кухню.

Митька молча взял автомат. Гляжу, у него губы трясутся от обиды. Обращаюсь я с ним грубо, досада и злоба на меня на него: спасения нам нет, и пользы от него никакой; тяжелая обуза он мне, только жалость, цыпленок, в душе будит.

Да... Стоим мы так, полтора солдата, ждем обстрела. Нет, молчат. Тихо. Жизни нам осталось — неполный диск в моем автомате. Чувствую, тяжелею я весь, даже автомат тяжело мне держать. Гнет, давит меня всего к земле. Я легонько прислонился спиной к стене, и спина у меня сразу как приросла, и тут же глаза сами закрылись. Я от стены!.. Я губы закусил и твержу: «Нельзя, держись, гвардии лейтенант, прислонишься — заснешь, и никакими пушками тебя тогда не разбудишь!» А сам исподтишка, воровато так думаю: «Хотя на минутку прислонюсь к стене, дам отдых спине, не так меня ломать будет». И уже кажется мне эта проклятая стена желаннее всего на свете. Да... Так вот, посмотрел я на Митьку и понял вдруг, что он мне дороже всего на свете, дороже последнего патрона. Говорю ему:

— Мить, ты от меня не отходи ни на шаг. Наблюдай, чтоб я не уснул. К стене меня не допускай. Слышишь?

— Слышгу, товарищ лейтенант. Есть наблюдать, чтобы вы не уснули!

— Это тебе боевой приказ, Митяй. Если я усну, проснусь уж... в плену.—Стоим мы: тихо, стены дымят, пол дымит, и этот мокрый от дождика рыжий дым, горький, как полынь, проедает меня насквозь; шинель моя дымится, в голове тяжелый чад, муть; и вдруг вижу я — сквозь эту гарь, в окне, где-то далеко-далеко, на краю света, розовая полоска — вечерняя заря. Такая чистая, умытая, светит из-под темной тучи. На меня даже свежестью от нее повеяло, в голове прояснилось Говорю:

— Смотри-ка, Митя, заря!

— Точно, товарищ лейтенант, заря! — отвечает Митька и улыбается мне весело.

От этой его улыбки дрогнула моя душа. Последняя наша заря, думаю. И тут вспомнил я не отца, и не мать, и не друга — оперу вспомнил «Иван Сусанин». Серьезно!.. Стоит Сусанин, кругом злобные враги, повернулся он к родной заре... Что же, думаю, мы тоже, полтора солдата, честно умираем на посту. Создадут ли песню о нас, как мы смерть свою боялись проспать?..

— Митяй! — зову я.

— Есть Митяй, товарищ лейтенант!

— Немцев не видно?

— Не видно пока, товарищ лейтенант.

И тут у меня мысль возникла страшная: а может быть, и Митька спит?

— А ну, посмотри на меня! — приказываю строго ему.

Он поднял голову ко мне: лицо смутное, серое, из-под шлема только глаза большие, чистые светят.

Долго я смотрел ему в глаза: они у него, как светлая заря. И так мне захотелось в эту минуту, чтобы они не погасли, прекрасные эти, чистые глаза, когда мы рухнем вместе с этим домом и останется только куча горелых кирпичей и этот вечный, неистребимый, горький рыжий дым.

Тут взвыл пикировщик. Слышу, бомба на нас идет, свистит так, что в ушах больно. Я обхватил Митьку, прижал его к себе... Напротив меня комод стоял, большой, тяжелый такой, мы им пробойну в стене за-крыли. Увидел только я, как из этого комода от удара ящички выстрелили, и больше ничего не помню.

— И что же дальше было? — спросил я, чувствуя, что рассказ еще не окончен.

— Дальше вот что было: очнулся я, слышу меня раздевают, снимают гимнастерку. Так и есть, схватили, волочи! Я глаза не открываю, думаю и стараюсь не дышать: может быть, сойду за убитого. И вдруг слышу, кто-то говорит надо мной по-русски:

— Не возитесь, разрежьте ножом!

И сразу же гимнастерку мою от ворота до низа — тик! Напополам!

— И рубашку! — командует тот же нетерпеливый голос.

Я открываю глаза: темно, ничего не вижу.

— Нет, не сплю! — думаю я в страхе.

— Митька! — кричу. — Митька!

Голос свой слышу и не узнаю: тихий такой, со стоном, будто не я говорю.

— Очнулся, — говорит. — Сестра, дайте ему попить.

Мне подносят ко рту кружку; пью — вино! Сколько я ни стараюсь рассмотреть, ничего не вижу. От волнения у меня зубы гремят о кружку, вино льется мне на голую шею. Нет, это не сон!

— Митька! — опять зову я, и мне уж до того страшно, что хочется, чтобы это был сон.

— Лежите спокойно! — отвечает мне сердитый голос, а руки быстро щупают мою грудь. Знаете, точно по мне не руки, а танк прошелся, — такая ужасная боль! В глазах черно, не знаю, где я нахожусь, и единственная светлая мысль у меня — это Митька. Я хватаюсь за нее, как утопающий за соломинку, и опять из всех сил кричу:

— Митька! Митька!

— Есть Митька, товарищ лейтенант, — слышу вдруг слабый голос. Я рванулся на этот голос, а меня схватили и кричат:

— Лежите спокойно, лейтенант, вы ранены!

Я говорю:

— Покажите мне Митяя, тогда я успокоюсь. Где он?
Я не вижу его!

И вдруг близко слышу тихий такой, точно надорванный голос:

— Митяй здесь, товарищ лейтенант, возле вас.

Я притих, ничего не вижу; руку поднял, и мою руку взяла маленькая рука. Я сразу узнал ее — митькина!

Товарищ лейтенант, так что наши выбили фрицев с улицы и нас откопали. Все в порядке. Лежите спокойно, сейчас вас перевяжут, — докладывает мне мой Митька.

Все во мне ослабло. Я голову опустил вниз и чувствую, слезы текут по моему лицу.

— Митька, говорю, Митька! Накой чорт мне эти перевязки! Я ничего не вижу. Слепой я! Я лежал с переломанными костями в гипсе, слепой, и жизнь, которую я так любил, мои хорошие мечты о будущем, желание увидеть мир, новых людей — все это я утратил... И только, когда я слышал рядом с собой слабый голос Митьки и он брал мою руку, в моем сознании возникали смутно, точно сквозь этот рыжий, горелый дым, мои последние часы жизни в осажденном доме, и точно по какому-то узкому мостику я доходил до мысли, что я, хотя уже не человек, но все же еще живу. Это чувство жизни поддерживал у меня Митька. Я настоял, чтобы нас положили рядом. Не будь Митьки, у меня оборвались бы всякие связи с жизнью. Говорили мы с ним мало, только необходимое, самое обыкновенное.

— Товарищ лейтенант, а на улице снег идет, — сообщает мне Митька.

Я ему тоже в таком же роде:

— Митька, который теперь час?.. Митька, ты не спишь?..

Нам важен был не разговор, а чувство близости с человеком, с которым вместе, взявшись за руку, мы перешагнули через смерть.

Так у нас шло время. Кости мои стали срастаться, врачи утешали, что со временем и зрение ко мне вер-

ется. С меня сняли гипс и, слепого, перевели в палату для выздоравливающих. И тут, без Митьки, я сразу почувствовал себя совершенно осиротевшим и беспомощным человеком. От тоски по Митьке я есть перестал. На четвертый день подходит ко мне девушка — дежурный врач, спрашивает, как мое самочувствие. Я молчу.

Придется перевести вас к вашему приятелю, он тоже скучает, — вдруг объявляет врач.

Привели меня опять в тяжелую палату, и я слышу митькин голос, слабый совсем:

— Товарищ лейтенант!

— Как дела, Митя?

Митька молчит. Я его руку холодную осторожно прикал к груди, думаю — отогрею. Митька говорит виновато:

— Должно быть, не суждено, помру, товарищ лейтенант.

Теперь я молчу. У меня горло сжало. Митька спрашивает шопотом:

— А вас не уведут обратно?

— Нет, Митяй, никуда я теперь от тебя не уйду.

— Спасибо, товарищ лейтенант. При вас мне, может быть, полегчает, — вдвоем всегда легче.

Когда Митька нето уснул, нето забылся, я попросил сестру провести меня к дежурному врачу. Спрашиваю его:

— Как дела у моего приятеля? Очень он слабый. Это мой самый дорогой друг, мы вместе свою смерть сторожили... Я — человек слепой, и, если вы скроете от меня, когда он будет умирать, я вам это, знаете, ни за что не прощу!

Он молчит. Наверное, у меня тогда выражение лица было довольно красноречивое.

Потом, помолчав, отвечает:

— Что ж вы от меня хотите? Мы делаем для него все, что возможно.

— Это мне понятно. Я хочу у вас только правды: умирает Митька?

— Умирает.

— Ведите меня к нему!

Меня привели.

И я опять сел на стул рядом с кроватью Митьки, взял к себе в руки его руку и просидел так до конца — не знаю сколько... Мне потом говорили, что четверо суток. Митька часто впадал в забытие, но по его руке, лежавшей в моей, я чувствовал, что он еще живет.

И теперь тоже говорили мы с ним мало. Только самое простое.

Очнется он и спросит меня:

— Товарищ лейтенант, вы все не спите?

— Нет, Митька, не сплю.

— Уснули бы, товарищ лейтенант.

— Нет, Митька, нельзя мне уснуть. Тогда ты меня сторожил, теперь я тебя сторожу.

Он понимал, что я смерть его сторожу, и поэтому не протестовал. И не было у нас с ним никакого волнения. Митька знал, что он умирает, но он мне не жаловался, и я тоже напрасно не утешал его, что он поправится. Мы были гораздо выше и чище этого. Нам было спокойно и... хорошо. Да, хорошо, хорошо, потому что мы держались за руки и второй раз так же просто, по-солдатски встречали смерть.

Митьке было легко умирать: он знал, что его боевой товарищ не отойдет от него, сторожит его последнее дыхание и не выпустит его руки до конца. И, когда Митька почувствовал свой конец, он сказал:

— Товарищ лейтенант, разрешите попрощаться с вами?

Не выпуская его руки, я второй рукой нащупал его голову и наклонился к его лицу. В этот момент я, не задумываясь, с радостью отдал бы полжизни, чтобы на минуту увидеть митькины глаза! Он смотрел на меня, а у меня в глазах была густая чернота. Я сказал ему:

— Прощай, гвардии красноармеец!

— Прощайте, гвардии лейтенант!

Я нашел его губы, и мы поцеловались.

— Я тебя буду помнить навечно, — сказал я.

— Спасибо, товарищ лейтенант, — сказал Митька уже шопотом, с трудом, — служил Советскому Союзу.

Он глубоко вздохнул и больше уже ничего не говорил. Потом я почувствовал, что его рука, лежащая в моей, остывает. Она стала холодно-сухая. Сестра меня тронула за плечо:

— Товарищ лейтенант, он умер.

Я поднялся со стула и вдруг почувствовал, что голова моя страшно тяжела, ноги мои подогнулись. Меня подхватили под руки и уложили на кровать. Как только голова моя коснулась подушки, я сразу же перестал что-нибудь чувствовать. Потом мне сказали, что я спал двое суток.

Когда я проснулся, Митьку уже похоронили, и меня опять перевели в палату для выздоравливающих.

Майор помолчал и сухо, скороговоркой закончил:

— Вот и все. С тех пор ко мне понемногу стало возвращаться зрение. Врачи объяснили: от нервного потрясения. Через месяц я уже выписался из госпиталя, прошел комиссию, отказался от отпуска после болезни и сразу же уехал на фронт.

Загудел наш паровоз, в окне вагона мелькнуло высокое кирпичное здание какой-то фабрики. Майор встал.

— Здесь мне пересадка, — сказал он кратко.

Теперь майор внимательно посмотрел на меня. Наверное, он прочел на моем лице что-то близкое.

— В отпуск едете? — спросил я его.

Майор усмехнулся:

— Теперя отпуска короткие, в такую даль, куда мне ехать, не уложиться. В округ еду, за назначением. Пойду на фронт!

И, указав себе на грудь, добавил:

— Полтора солдата.

И, повернувшись, быстро пошел из вагона по уже по-луопустевшему коридору.

И. Гришашвили

ГЕРОЯМ СТАЛИНГРАДА

О, как боролись вы!

Недаром годы
Мужали вы под сталинским крылом.
Песок и степи Дона, Волги воды
Прославлю восхищенным я стихом.

Пред вами враг отпрянул в изумленье,
Коварный, жадный и жестокий враг.
О, героизм, испытанный в бою!
Здесь был оплачен кровью каждый шаг.

Но раны вы залечивали скоро,
Стояли вы у Волги, как скала.
В победу верить — лучшая опора,
Та вера и та правда вас вела.

В легендах говорится:

храбрый воин
И тыщу сокрушит, не пощадя.
Тот вечно будет крепок и спокоен,
Кто смотрит на любимого вождя.

О, как боролись вы!

Недаром годы
Мужали вы под сталинским крылом.
Песок и степи Дона, Волги воды
Прославлю восхищенным я стихом.

Минуют испытанья. Вновь воспрянет
Народ родной.

Сквозь времени покров
В грядущем некий летописец глянет
На караваны прожитых веков.

И чашу полную возьмет он в руки,
И скажет он:

— Я за героев пью.

Вспомянем стойких и прославим, друзья,
Сражавшихся за Родину свою.

Прославим тех, чьи подарили силы
Нам радостные, мирные года.
Пускай давно укрыли их могилы,
Мы лица их запомним навсегда.

Хотелось здесь осесть вороньим стаям,
Но здесь пришел конец их похвальбе.
Он нас тогда помянет.

И мы знаем,
Он нашей позавидует судьбе.

Перевел с грузинского С. Славский

* * *

Михаил Исаковский

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Отступали свое молоточки капли,
Отшумела в оврагах вода,
Журавли из-за моря домой прилетели,
Пастухи выгоняют стада.

Веет ветер весенний — то терпкий, то сладкий,
Снятся девушкам жаркие сны.
И все чаще глядят на дорогу солдатки —
Не идут ли солдаты с войны.

Пусть еще и тиха и безлюдна дорога,
Пусть на ней никого не видать, —
Чует сердце: совсем уж, совсем уж немного
Остается теперь ожидать.

Скоро, скоро приказ о победе услышат
В каждом городе, в каждом селе.
Может статься, сегодня его уже пишет
Маршал Сталин в Московском Кремле.

* * *

СТАЛИНГРАД

Слова А. Софронова

Музыка А. Новикова

Умеренно

Ф-п. *mf* *f* *mf*

This system shows the piano accompaniment for the first part of the song. It consists of two staves: a treble clef staff for the right hand and a bass clef staff for the left hand. The music is in 2/4 time and G major. The tempo is marked 'Умеренно' (Moderato). Dynamics include *mf*, *f*, and *mf*. The right hand features a melodic line with eighth and sixteenth notes, while the left hand provides a harmonic accompaniment with chords and moving bass lines.

С. п. бис Широко. Ветичаво

Сто-ит Ста-лин-град на кру-том бе-ре-гу, где вод-на-ма

This system contains the vocal line and piano accompaniment for the second part of the song. The vocal line is on a single staff with a treble clef, marked 'С. п. бис' (Solo) and 'Широко. Ветичаво' (Broadly). The piano accompaniment is on two staves (treble and bass clef). The lyrics are: 'Сто-ит Ста-лин-град на кру-том бе-ре-гу, где вод-на-ма'. The music is in 2/4 time and G major. The piano accompaniment features a steady bass line and chords that support the vocal melody.

Волга ит. ра. ет.

В кро. за. вых бо. ях он не

mp

mp *cresc*

сдел. ст. вра. гу и сно. ва. ог. ня

♠ Ст знака ♦ переходить на заключенье

Привес
Темп марша

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух систем. Первая система содержит вокальную партию (верхняя линия) и фортепиано (нижняя линия). Вокальные ноты сопровождаются русскими буквами: «...на ст. Бр. и ст. гремит и го-да про-шу-мят ве». Вторая система продолжает фортепиано-аккомпанемент. Музыкальный язык включает различные ритмические значения и динамические обозначения.

Соло
mf

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух систем. Первая система содержит вокальную партию (верхняя линия) и фортепиано (нижняя линия). Вокальные ноты сопровождаются русскими буквами: «...сам ре-кой быст-ро-теч ной, но сла-ва тво-я, Ста-лич». Вторая система продолжает фортепиано-аккомпанемент, в котором присутствует динамическое обозначение *cantabile*.

Хор
mf

- град Сталинград, как солнце останется веч. но! Но

mf

стро

слава твоя, Сталинград, Сталинград, как солнце, останется веч. но!

Для заключения

сво - за - ор - ня - ми свер - ка ет.

cresc.

Detailed description: This system contains the first two measures of the piece. It features a vocal line on a treble clef staff and a piano accompaniment on a grand staff (treble and bass clefs). The key signature has one sharp (F#). The vocal line begins with a half note 'сво' followed by eighth notes 'за ор ня ми свер ка' and ends with a half note 'ет.'. The piano accompaniment consists of chords and moving lines in both hands. A 'cresc.' (crescendo) marking is placed at the end of the second measure.

Сто - ит Ста - лин - град!

rit. str. ff

Detailed description: This system contains the next two measures. The vocal line continues with a half note 'Сто - ит' followed by a half note 'Ста - лин - град!'. The piano accompaniment features a 'rit.' (ritardando) marking in the first measure, followed by a 'str.' (string) marking in the second measure. The dynamics are marked 'f' in the first measure and 'ff' (fortissimo) in the second measure. The piano part includes complex chordal textures and a 'cresc.' marking in the second measure.

1

Стоит Сталинград на крутом берегу,
 Где волнами Волга играет.
 В кровавых боях он не сдался врагу
 И слова огнями сверкает.

Припев:

Бои отгремят, и года прошумят
 Весенней рекой быстротечной,
 Но слава твоя, Сталинград, Сталинград, (2 раза
 Как солнце, останется вечно!)

2

Родная земля не забудет о днях,
 Когда прохотали снаряды,
 Когда по степи побежали в снегах
 Германцы от стен Сталинграда.

Припев.

3

Ты имя вождя над собою несешь,
 Победы сверкающий вестник.
 Настанет пора, ты опять расцветешь
 Под солнцем отчизны чудесной.

Припев:

Бои отгремят, и года прошумят
 Весенней рекой быстротечной,
 Но слава твоя, Сталинград, Сталинград, (2 раза
 Как солнце, останется вечно!)

* * *

А. Твардовский

ГРОЗЕН СЧЕТ, СТРАШНА РАСПЛАТА

Под Смоленском наступали,
Выпал отдых. Мой земляк
Обратился на привале
К командиру: так и так,

Отлучиться разрешите,
Дескать, случай дорогой,
Мол, поскольку местный житель,
До двора — подать рукой.

Разрешают, в меру срока..
Край, известный до куста,
Но, глядит, не та дорога,
Местность будто бы не та.

Вот и взгорье, вот и речка,
Глушь, бурьян солдату в рост.
Да на столбике дощечка,
Мол, деревня Красный Мост.

И нашлись, что были живы,
И скажи ему спроста
Все по правде, что служивый —
Достоверный сирота.

У дощечки на развилке,
Сняв пилотку, наш солдат,
Постоял, как на могилке,
И пора ему назад.

И подворье покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей...

Но бездомный и безродный,
Воротившись в батальон,
Ел солдат свой суп холодный
После всех и плакал он.

Должен был солдат и в горе
Закусить и отдохнуть,
Потому, друзья, что вскоре
Ждал его далекий путь.

До земли советской края
Шел тот путь в войне, в труде.
А война пошла такая —
Кухни сзади, чорт-те где!

Позабудешь и про голод
За хорошею войной.
Шутки, что ли, сутки — город,
Двое суток — областной.

Срок иной, пора иная, —
Бей, гони, перенимай!
Белоруссия родная,
Украина золотая,
Здравствуй, пели, и прощай!

Так-то с ходу ли, не с ходу,
Соступив с родной земли,
Пограничных речек воду
Мы с боями перешли.

Счет сведен, идет раоплата
На свету, начистоту.
Но закончим про солдата,
Про того же сироту.

Край родимый покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей...

Может, здесь еще бездомней
И больней душе живой.
Так ли, нет — должны мы помнить
О его слезе святой.

Если б ту слезу руками
Из России довелось
На немецкий этот камень
Донести, прожгла б насквозь.

Счет велик, идет расплата,
И за той большой страдой,
Не забудемте, ребята,
Вспомним к счету про солдата,
Что остался сиротой.

Грозен счет, страшна расплата
За миллионы душ и тел.
Уплати, и дело свято,
Но вдобавок за солдата,
Что в войне осиротел.

Слово — пуле и гранате,
Слово судной правоте
За погубленных. А кстати
В память нашу о солдате,
Нашем брате-сироте.

День идет за ночью следом,
Подведем штыком черту.
Но и в светлый день победы
Вспомним, братцы, за беседой
Про солдата-сироту...

* * *

Александр Прокофьев

ЛЕНИНГРАДУ

Вот войдут в легенды, в были,
Вот пройдут года,
Люди вспомнят, как любили
Мы тебя всегда.

Как твой свет в сердцах носили,
Уходя на бой,
Как Россия, мать Россия
Вся клялась тобой!

Как ты встал на раздорожьи
Против всех врагов,
Чтоб поля желтели рожью
Навеки-веков!

Как ты встал, темнея бровью,
Против зла и тьмы,
И тебе своей любовью
Присягнули мы.

А потомок благодарный
В песне молодой
Вспомнит бой твой легендарный
С дикою ордой.

Вспомнит всю грозу отпора,
Духа красоту
И войдет в прекрасный город,
Как идут в мечту!

* * *

ПЕСНЯ О ЛЕНИНГРАДЕ

Слова *К. Симонова*

Музыка *М. Блантера*

Торжественно. Не спеша

Пение

Плы- вут над за- ли- вом Бал- тий- ски- е ту- чи и

Ф-но

mf

Detailed description: This system contains the first line of the song. It features a vocal line on a single treble clef staff and a piano accompaniment on a grand staff (treble and bass clefs). The vocal line begins with a quarter rest followed by a series of eighth and quarter notes. The piano accompaniment starts with a half note chord in the bass and continues with a steady eighth-note accompaniment in the treble.

ше шумят волны в хо- лод- ный гра- нит В мор- ских не- по- го- дах, в ме-

Detailed description: This system contains the second line of the song. The vocal line continues with a series of eighth and quarter notes. The piano accompaniment maintains its eighth-note accompaniment, with some chords in the bass.

те- лех ле- ту- ча он гор- дыи по- кой свой сто- леть- я хра- нит

Detailed description: This system contains the third line of the song. The vocal line continues with a series of eighth and quarter notes. The piano accompaniment maintains its eighth-note accompaniment, with some chords in the bass.

Ев

Гор. до воздвигнут ру. кой не. пре. клонной, бес. смерт. но. го храбро. стью

f

рус. ских сол. дат, про. би. ты. е пу. ля. ми в бит. вах зна. ме. на ниг.

f *rit*

- де, ни. ког. да не скло. нял Ле. нин. град, про. нял Ле. нин. град.

riten

Плывут над заливом балтийские тучи,
И плещутся волны в холодный гранит,
В морских непогодах, в метелях летучих
Он гордый покой свои столетья хранит.

Гордо воздвигнут рукой непреклоннон,
Бессмертною храбростью русских солдат,
Пробитые нулями в битвах знамена } 2 раза
Нигде, никогда не склонял Ленинград. }

Крылами побед осеняла Полтава
Ряды поднимавшихся ввысь колоннад.
Здесь русская доблесть и русская слава
Над Невским гранитом, обнявшись, стоя!.

В грозном молчаньи стоят бастионы,
Багряные стяги победно шумят.
Пробитые нулями в битвах знамена } 2 раза
Нигде, никогда не склонял Ленинград. }

В осенние бури и в белые ночи
Стоишь ты, гордясь красотой ювоей.
Мы славим твоих моряков и рабочих,
Бессмертных и милых твоих сыновей.

Слава тебе, Ленинград, закаленный
В пыланьи сражений, в огне баррикад!
Пробитые пулями в битвах знамена } 2 раза
Нигде, никогда не склонял Ленинград. }

* * *

Геннадий Фиш

КОСТЕР НА СКАЛЕ

Рассказ

— У нас на севере земли нет — камень или болота, — сказал сержант Аркадьев. — Камень красивый — розовый гранит, но все же камень, и окопов в нем много не нароешь. Так из камня и приходится брустверы накладывать. Скалы ломаем и из каменной породы окопы выкладываем, сверху только землицей присыпаем, дерном прикрываем. Вот тебе и окоп. А землянки! Это только слово, что землянки, на самом деле надо бы их «камялками» называть: из битого камня сложены, и только земли и есть, что в пазах, в щелях шаложено. А бывает, что и там земли нет, один мох заполярный. Такая уж у нас здесь на севере жизнь каменная. И люди, как каменные, стали, — стена. Ни шагу не уступят. Потому, какая земля, такие люди. Северные — из загорелого камня, розового гранита. Ну, а душа-то, конечно, человеческая. Она и радуется, и грустит, и поет.

Сержант Аркадьев замолк и, приложив ладонь к глазам, стал рассматривать огромную скалу, высоко вставшую над поворотом горной тропинки.

В часть пришло молодое пополнение, и нужно было достать камня, чтобы сложить для прибывших землянки. Аркадьев взялся за это дело, и теперь мы с ним поднимались по горной тропе.

— Да, этот камень будет подходящий! С самой вершины и начнем, — снова сказал он.

По дороге он то и дело наклонялся и срывал тонкие невысокие прутья с мелкой листвой. Это были многолетние стволы карликовой, стелющейся березы. Он попросил, чтобы и я делал то же. И мы, отдирая с корнями эти выносливые деревца, медленно продолжали подъем. Во время подъема Аркадьев продолжал разговаривать. Ему очень хотелось поделиться со мной тем, что его сейчас волновало. Это был рябоватый и с первого взгляда неказистый человек, но весь исполненный сознанием важности своего дела, солдатской гордостью,

прямотой и душевностью. И гордость эта солдатская отражалась и в ловкой осанке его, и в том, как сидела складно прилаженная на его коренастой фигуре гимнастерка, и в начищенных сапогах, и в аккуратно заштопанных на коленках брюках.

— И кто эту душу человеческую понимает, тот из человека и камень сделать может и воск, по мере надобности, — продолжал Аркадьев. — Вот, к примеру, парторг наш, капитан Белокуров. Дело это было так. Был в нашем батальоне, короче говоря, во взводе нашем, боец. Так, видимость одна, что боец, — замухрышка. Шинель до пят, балахоном. Сапоги не смазаны. Ну, а про бритье он неделями забывал. Уставы и оружие знал он тогда, конечно, посредственно. А тут еще письмо получил из деревни и загрустил, затосковал. И не ведаю, как, но товарищ Белокуров узнал, что было в этом письме. А было оно нехорошее. Жена писала, что она ничуть не жалеет, что избавилась от него, рохля такой, и чтобы он на нее впредь не рассчитывал.

И вот вызывает капитан бойца этого к себе и спрашивает:

— Любишь ты свою Катю? — А ее Катериной звали.

— Люблю, — отвечает.

— Горько тебе?

— Горько, товарищ командир.

— Ну, а ты на себя посмотри, какой ты есть: неряшливый, небритый, помятый, нечищенный. И выправки в тебе нет, — как мешок. Ну, как тебя такого-то стоящая женщина любить сможет? Какой ты есть мужчина, каков воин? Рохля!

Такие слова, конечно, не утешение, хотя и правильные. Но видит капитан Белокуров горе бойцовское и строго-настрого говорит ему:

— Стань, Егор, настоящим солдатом, настоящим мужчиной, бей врага по-большевистскому, и поверь моему слову, все дело на хорошее повернется.

«Это он так для моего утешения говорит», — подумал Егор, но все же стал за собой приглядывать. Вроде, как говорится, уздечку на замок запирает, после того как коня из конюшни уж вывели. Ну, а капитан спуску ему

не дает: оторванной пуговицы не пропустит, двухдневной щетины на щеках не простит и все в самые боевые и опасные дела посылает этого бойца, Егора-то. Немного и времени прошло с этого разговора, как Егор «языка» приволок.

Встретились они с немцем один-на-один. Навстречу, лицом к лицу, из-за скалы вышли. Каждый за своим луном схоронился. Стреляют оба. Но у Егора думка была: во что бы то ни стало живьем немца захватить. Вот тут-то он и схитрил. Схватил камень, что под рукой валялся, и запустил его в фашиста. Ну, а тому, разумеется, невдогад, что это камень, думает — граната. Прижался это он к земле, разрыва гранаты ждет, голову обеими руками прикрыл, сжался, глаза зажмурил. Короче одной минуты все дело было. Ну, а Егору и этого хватило. Он, как кот на мышь, метнулся на этого немца. Кулаком по затылку, на всякий случай руки за спину прикрутил и в таком виде к командиру доставил.

Кажется, ничего такого особенного не сделал, а однако же капитан Белокуров человеку в самую душу смотрел. Представили Егора к ордену Славы третьей степени. И что бы ты думал! В тот же день, по предложению парторга, всем взводом пишут письмо в родную деревню Егора. И все описывают, что он сделал, и говорят, что боевые его товарищи даже за героя его считают, и пусть об этом в деревне все знают. И еще просьба: дать прочесть в колхозе это письмо всем и каждому, за исключением жены, потому что она недостойна своего мужа и в то время, когда он на переднем краю республики находится, собирается его бросить. Вот какие дела! Ну, конечно, у капитана расчет правильный был. Жене-то, может быть, первой письмо это показали или, может быть, и не показали, сделали все по-писаному, но только, конечно, она обо всем узнала. Не знаю, что она там думала. А только у Егора служба военная идет своим чередом, но, конечно, духа и гордости у него прибавилось. И через некоторое время приходит к нему от жены письмецо о том, что ее, мол, всей деревней стыдили, что она ошиблась в своем

понимании действительности и что просит Егора простить ее и забыть то нехорошее письмо.

Егор любит ее. Все же она — хорошая женщина, красивая, работающая. Вот он, конечно, ног под собой от радости не чувствует.

Только сел он за бумагу, чтобы ответ писать, — прощаю, мол, — как в землянку капитан Белокуров заявляется.

— Ты что же это, Кате пишешь? Прощаешь ее, небось? — спрашивает он.

— Прощаю! — весело отвечает Егор. — Такое ведь дело! Спасибо, товарищ командир!

— Ну, знаешь ли, — говорит капитан, — это ты неправильно делаешь! Гордости в тебе еще мало! Я не советую сразу так прощать. Ты же лучше ее. У тебя боевые дела! Смотри — на груди орден Славы, какое слово! Выправку наладил. Да за тебя теперь любая пойдет! Так вот и напиши ей, чтобы знала. А там поем-трим!

Егор в душе опасался, что такое письмо очень досадит Катерине, но сделал по совету капитана. Письмо то он послать послал, а на сердце у него было неспокойно.. Ну, вот мы и пришли, — оборвал свой рассказ Аркадьев.

Мы находились на вершине скалы. Отсюда в голубой дымке, куда ни посмотри, виднелись высокие скалистые вершины гор. Они, как огромные волны, катились от этих мест до самой Норвегии. А справа глубоко в сушу вдавались темнозеленые языки Баренцова моря. Мы стояли на краю высеченного скалистого обрыва. Далеко внизу, спотыкаясь и пенясь на камнях, усердно бежала быстрая речка. Место, на котором мы сейчас находились, отлично просматривалось с высот, занятых неприятелем.

— Вот здесь-то мы и разведем костры, — сказал, с удовлетворением оглядываясь, Аркадьев и сложил к ногам свою охапку берез. — Березка свеженькая, дыму хватит!

— Зачем это здесь, на виду, у врага, костры разводить? — спросил я, недоумевая.

— А затем, что я обязался за два часа достать камня на постройку пяти землянок! — загадочно ответил Аркадьев, и я не стал его больше расспрашивать.

Аркадьев разложил три больших костра, зажег их. И когда после долгих усилий, наконец, заиграл среди ветвей огонек и над вершиной тонким столбом потянулся к небу сизый дымок, Аркадьев крикнул мне:

— А теперь айда скорее вниз! Вниз!

Мы побежали по узкой, извилистой тропе вниз. Камешки, вырываясь из-под ног, обгоняли нас на бегу. Тропа уводила нас влево, и только у берега быстрой горной речки мы остановились, чтобы перевести дух. Вершина, на которой мы только что были, отсюда казалась недоступной, отвесной стеной. Переводя дыхание и уже угадывая замысел Аркадьева, я спросил:

— Почему вы так подробно рассказали мне историю про этого бойца?

— Это про замухрышку-то бывшего? — улыбнулся он и, оглядев свой костюм, довольным голосом закончил: — Да потому, что я сегодня получил от Кати третье письмо с просьбой о прощении. И ответ отправил: прощаю, мол, и поставил свои условия.

— Так это, значит, вы и есть тот Егор?

— А вы не догадались?

— Начал было догадываться, да вот что помешало, — я указал на грудь, где рядом с орденом Славы поблекивала еще и Красная Звезда. — Ведь про нее вы мне не рассказали.

— Ну, это другая история, и про нее капитан тоже писал в деревню...

Но эту историю Аркадьев не успел в тот раз досказать, потому что раздалось гудение снарядов и последовал оглушительный разрыв. И хотя снаряд разорвался метрах в двухстах от нас, мы все же прилегли за валуны.

Немцы долго били по зажженным Егором Аркадьевым кострам.

И каждый выстрел крушил скалу розового гранита, в по сторонам разметывались и сыпались вниз, к под-

ножию каменной стены, слоистые камни: большие, маленькие, плоские и гладкие, рваные, длинные, короткие, острые, иззубренные... И от скалы подымалась и развевалась в воздухе каменная пыль.

— Тут на десять землянок хватит! — с удовлетворением сказал Егор Аркадьев, поднимаясь из-за своего валуна после того, как, поработав с четверть часа, германская артиллерия все же притушила его костры.

* * *

Николай Панов

МОРЯКИ В СОПКАХ

(Из поэмы „Баренцево море“)

Замаскированный морской травой,
Среди обломков черного гранита
Блестел щиток овальный ветровой
С подстреленного в сопках
«Мессершмидта».

И сквозь оконце этого стекла
Лучи заката мягко освещали
Некрашенное дерево стола,
Заваленного странными вещами.

Здесь были пачки писем и газет
С шрифтами непривычного рисунка,
Рольки фотографических кассет,
Разорванная полевая сумка.
Двух парабеллумов литая сталь,
Морской бинокль
С мерцаньем стекол Цейса,
Крестов железных черная эмаль,
Кокарда с желтой веткой эдельвейса
И моментальных снимков' пестрога,
Измятых и разорванных местами...

Вот транспортов высокие борта
Под флагами с паучьими крестами...
Досчатые постройки лагерей...
Кругом — гористых, снежных далей глянец...
Смелющиеся лица егерей
С глазами конквистадоров и пьяниц.
Вот на сутроб безусый немец влез
И скалит зубы, радостный донельзя.
На обороте надпись: «Киркэнес.
Отсюда мы войдем в Россию, Эльза».

Вот лыжники у дома встали в ряд,
Глядят на вас напыщенно и прямо.
Готические буквы говорят:
«Целую Гретхен! Мы уже в Петсамо».

Молчат снега... Горит рыбачий дом...
Шюцкоровец оперся на винтовку.
И снова надпись пляшущим шрифтом:
«Дорога в Мурманск.
Мы вошли в Титовку»...

Моряк-разведчик начал свой рассказ,
Перебирая фотографий столжи,
Сказал он:
— Не ушли враги от нас...
Всех этих истребили мы на солке...

...Отряд высаживался в темноте.
Плескали волны из безлунной дали.
На палубе в горячей тесноте
Разведчики нетерпеливо ждали
И шопотом чуть слышным обсуждали,
Что встретит их на вражьей высоте.

— У дзотов проволока в два ряда...
— Придется разрубать ножами... — Да...
— Здесь берет поднимается отвесно...
— Я первым влезу и подам вам трос.
Иде не пройдет олень, пройдет матрос,
А здесь любая тропка мне известна...

И вот уже толкнулся в камни бот.
Грап переброшен через темный борт,
Громада камня звезды заслонила.
Уходит вверх отвесная гора
И под ногами — литкая кора
Морской травы и слизистого ила.

Гранитный срез обрывист и высок,
Но чей-то палец трещину нащупал.
Уперся в эту трещину носок,
Щепились пальцы в мокрый мох...
Бросок! —
И вот осилен неприступный купол.

Петля кремнистый выступ обвила...
Бойцы ползут из мглистого тумана.
Все круче каменные купола,
Все дальше, дальше под ногами мгла
Стучащего о скалы океана.

Оттягивает шею автомат,
За пазухой — гремучий груз гранат.
Скользнув, нога над пропастью повисла.
Рука вцепляется в непрочный куст,
В ушах — ломающихся веток хруст,
И у щеки черника пахнет кисло.

И, может быть, немецкий часовой
Уже сюда бинокль направил свой.
У амбразур — встревоженные лица.
Сейчас блеснут прожекторы с высот,
И каждый плоский, затаенный дзот
Огнями длинных вспышек озарится.

Но мрак непроницаем, как мазут.
И океан'визизу гремит все глуше.
И снова вверх разведчики ползут
По обнаженной, по отвесной круче,

Пока из тьмы, где верхних скал гряда,
Не прозвучало хрипное:

— Вер да?..!

Моряк у гребня в серый камень врос.
Вокруг него товарищи лежали...

Рука закоченела на кинжале,
Колючий ветер — у корней волос...

— Вер да?..

И пальцы горло немца сжали,
И замер недоконченный вопрос.

И командир сказал матросам речь,
Привстав над камнем, перед блиндажами:

— Теперь — вперед!

Патронов зря не жечь!

Работать аккуратнее — ножами...

А политрук добавил:

Сталин с нами!

врагом не няньчиться... Своих беречь!

И он прорвался первым, политрук,

Туда, где спящие чернели дзоты.

Но расцвела ракета в небе вдруг,

Залив холодным пламенем высоты...

агрохотали в дзотах пулеметы,

Зажегся воздух трассами вокруг...

Наружу выбегали егеря,

Метались в трассах голубых и алых.

Блестели золотые якоря

На рукавах разведчиков в овалах,

Зеленый свет дрожал на черных скалах,

На блестящем оружии горя...

Рассказчик неожиданно умолк,

И в пальцах заблестела зажигалка.

— Все как обычно...

Крики. Тени. Свалка.

А впрочем, из разведки вышел толк.
Измучились... Ребят погибших жалко...
Но выполнили краснофлотский долг

...Там, где у моря высится гранит,
Как памятник североморцам смелым,
Светлеет на вершине бурых плит
Широкий якорь, выведенный мелом.
Его руками штормовых ветров
Стихия заполярная не стерла,
Как будто свой невидимый покров
Над той могилой вечность распростерла

Хранящий эти дальние места,
Несущий вахту на отвесной сопке,
Боец с высокогорного поста
Сюда спускается по узкой тропке.
Он вынимает стершийся мелок,
Склоняется к обледенелым плитам,
Чтоб вновь и вновь широкий якорь лег
На вечном камне, брызгами облитом.

А там, где сопки сизые легли
Над кромкой моря дымчатым навесом.
Стоят в Петсамо наши корабли,
Советский гордый флаг —
Над Киркэнесом!
Истреблены фашистские полки...
Здесь
В летопись российской флотской славы
Вписали северные моряки
Бессмертные, блистательные главы.

* * *

СЕВАСТОПОЛЬ

Слова С. Лымова

Музыка К. Листова

Не спеша Один *p*

Певче

2. 7m.

Ф-п.

f *p* *rit*

Detailed description: This system contains the first musical notation. It includes a vocal line (labeled 'Певче') and a piano accompaniment (labeled 'Ф-п.'). The tempo is marked 'Не спеша' (Allegretto) and the dynamic is 'Один p' (Solo piano). The piano part features a prominent bass line with chords and moving lines. Dynamics include *f*, *p*, and *rit*.

чи рас. сы. пэ. ст. над. крым. ской. зем. ле. ю. вф.
тзи. на. ма. ла. хов. где. пуш. ки. грс. ме. ли. тзи.

Detailed description: This system contains the second musical notation, including the vocal line with lyrics and the piano accompaniment. The lyrics are: 'чи рас. сы. пэ. ст. над. крым. ской. зем. ле. ю. вф. тзи. на. ма. ла. хов. где. пуш. ки. грс. ме. ли. тзи.' The piano part continues with chords and moving lines.

сен. не. с солн. це сквозь сум. рак ноч. ной. До.
 бом. ба. ми' взры- та свя. та. я зем. ля, сто.

- ти, мо. я чай. на, над си. ней вол. но. го, ско.
 - зай к По. но. ра. ме, где с ми. лой си. де. ты под

1.
 - ре. с ле. ти в Се. на сто. поль род. ной. Сле.
 ро. зо. вой се нью шю.

2. *rall.* Хор *p*

... тоя мин. да : ля. Ла. зур - ны - е бух - ты, жем.

rit *p* *a tempo*

... чж - ны - е го - ры, вы - со - кий, да.

... ле - кий о - гонь ма . я - ка Эх,

f Чер - но - е мо - ре, кра - си - во

мо - ре. род - ной Се - ва - сто - поль - яс.

Для повторения

- бовь мо - ря - ка!

Для окончанья

- бовь мо - ря - ка!

Лучи рассыпает над крымской землею
 Веселее солнце сквозь сумрак ночной.
 Лети, моя чайка, над синей волною,
 Скорее лети в Севастополь родной.

Слетай на Малахов, где пушки гремели,
 Где бомбами взрыта святая земля,
 Слетай к Панораме, где с милой сидели
 Под розовой сенью цветов миндаля.

Припев:

Лазурные бухты, жемчужные горы,
 Высокий, далекий огонь маяка.
 Эх, Черное море, красивое море,
 Родной Севастополь — любовь моряка!

Сверкают над солнцем широкие дали,
 В бою заслужили мы славу свою.
 Сказали: — Вернемся... — И слово сдержали,
 Встречай, Севастополь, морскую семью.

Счастливым народ выбегает на взгорья,
 Веселая чайка летит над волной.
 Встречай, Севастополь, орлов Черноморья,
 Навеки прославивших город родной.

Припев:

Лазурные бухты, жемчужные горы,
 Высокий, далекий огонь маяка.
 Эх, Черное море, красивое море,
 Родной Севастополь — любовь моряка!

* * *

ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА

Р а с с к а з

Первое письмо от Григория Ивановича Каширина пришло в полк спустя месяц после его ранения.

«Товарищ майор,—писал Каширин.— В первых строках моего письма докладываю вам обстановку. Обстановка в палате благоприятная. Маскировка в белый цвет полная, имеются даже занавески». Заканчивалось письмо обещанием быстро поправиться и вернуться в полк.

Прочитав письмо, майор недоверчиво покачал головой. Он вспомнил, как Каширин с землистым лицом и серыми, почти черными губами лежал на носилках.

Вслед за первым письмом пришло второе, а затем и еще несколько. В каждом письме Григорий Иванович твердил о скорой поправке, но майор не склонен был ему особенно верить,— так писали ему многие.

Потом Каширин на несколько месяцев исчез из виду, но в одно прекрасное утро вдруг предстал перед майором Жерновым.

— Сержант Каширин из госпиталя прибыл,— лихо отрапортовал он.

— Ну-ка, покажись, Григорий Иванович. Как там тебя починили?

Майор шагнул навстречу Каширину, они обнялись, расцеловались. Их давно спаяла крепкая фронтовая дружба. Они воевали вместе еще у Соловьевой переправы, потом под Москвой, под Смоленском, и оба были ранены по четыре раза.

Григорий Иванович за эти месяцы изменился мало, разве что похудел. Шинель, изжеванная и мятая, была непомерно широка, и казалось, что надета она на голое тело. Широкий воротник еще больше подчеркивал худобу шеи.

Жерновой, обрадованный возвращением Каширина, шутил, смеялся и уже несколько раз спрашивал:

— И как ты полк нашел? Тысячу верст от Лучесы отмахали, это же фунт изюму...

Григорий Иванович сидел напротив майора, насупившись, с виноватым видом и молчал. Будто он был виноват, что его ранило за несколько дней до наступления еще на злополучной высотке 208, под Витебском, а полк без него прошел с боями до самой Восточной Пруссии.

— Ну, теперь признавайся: сбежал из госпиталя? Как в прошлый раз?

— Нет, товарищ майор, — вздохнул Каширин. — На этот раз полный срок отбыл.

— Так в чем же дело?

— Меня комиссия, — Каширин потупился, — по чистой уволила. Совсем, с действительной службы. Поскольку левая нога у меня того...

— Хромаешь?

— Немножко есть.

— Да, — невесело сказал майор и принялся вертеть в руках карандаш.

— Вот хочу обжаловать эту комиссию здесь, в полку. Мало бы что нога! Где-нибудь в тылах пристроюсь. А из полка мне дороги нет, сами знаете!

Каширин никогда и никому о себе не рассказывал, но майор знал, что тот — вдовец, а единственную дочь семнадцатилетнюю Елену, из родной деревни Бобылево на Смоленщине угнали немцы.

Жерновой сидел тоже мрачный: жалко было терять такого снайпера, как Каширин. Но, с другой стороны, куда девать инвалида! Майор в раздумьи поднял глаза на Каширина и еще раз внимательно оглядел его.

— Ну, и шинель на тебе! Прямо пугало. И где их только находят в госпиталях, этикие шинели... Вот тебе записка на вещевой склад. Переоденешься, там видно будет.

Григорий Иванович поднялся и, слегка прихрамывая, направился к выходу.

— Хотя постой! — крикнул майор и от возбуждения даже привстал. — Вот что! Оставайся-ка ты там, Григорий Иванович, кладовщиком. Принимай склад. Кривonosов — парень молодой, здоровый, и негоже ему там войну коротать.

Каширин был от этого предложения на седьмом небе, но майора не поблагодарил и никак своего восторга не выразил.

Через неделю он совсем освоился с новой работой и с головой вошел в нее.

Дыхание переднего края, шедшего по самой кромке советской земли вдоль прусской границы, доносилось и сюда, в тихий вещевой склад, пропахший затхлой ветошью. Старая одежда пахла порохом, оружейным маслом и потом войны, иногда на ней виднелись бурые пятна крови.

Чем острее, ощутимее были в складе запахи боев, тем больше томился своей работой Каширин. Он стал подолгу пропадать в оружейной мастерской, расположенной по соседству со складом, а, увидев там однажды новенькие самозарядные винтовки, принялся клянчить такую винтовку у оружейного мастера Лапшина.

— Ну, зачем тебе такая винтовка? — допытывался Лапшин. — Мышей, что ли, по ночам в складе пугать?

— Мыши сюда, Филипп Филиппович, не касаются. А склад охранять — дело серьезное. И винтовка тут, Филипп Филиппович, требуется первый сорт. Поскольку нахожусь я на действительной службе...

— Новости! — рассердился Лапшин. — Нужна тебе такая винтовка, как танкисту шпоры.

Каширин был обижен разговором насчет мышей и шпор, но виду не подал. Он терпеливо сносил все насмешки, старался быть как можно почтительнее, покорнее и попрежнему называл Лапшина не иначе, как по имени-отчеству.

Каширин добился все-таки своего: получил самозарядную винтовку отличного боя. Дело тут было не только в его назойливости: Филипп Филиппович, как все оружейники, благосклонно и даже ласково относился к снайперам и в конце концов дал Каширину винтовку.

Но как только винтовка очутилась у Каширина, от его прежней почтительности не осталось и следа.

Назавтра Каширин отправился к Жерновому.

Товарищ майор, докладываю обстановку. На скла-

де все в порядке. Ватники и рукавицы получены. Раз-
едчикам выданы сапоги, согласно приказу. — Каширин
томился, потом попросил:

— А мне разрешите ключи сдать. Хочу совсем со
склада податься.

— Чем же там плохо?

— Лучше водовозом на кухню. По крайней мере,
почетное занятие. И Брагинец приглашает меня.

— Чудак ты, Каширин! Ну, чем тебе плохо на скла-
де? Тихо. Не дует, не каплет, ходить много не прихо-
дится: спокойная жизнь. Чего тебе еще?

— Хороша спокойная жизнь! — сказал Каширин раз-
драженно. — То с одним старшиной ругайся, то с дру-
гим. Вчера тыловой крысой обозвали, сегодня — канце-
лярской душой. А мне в канцеляристы записываться
никак нельзя. Сами знаете, товарищ майор.

— Ну, что же, сдавай склад старшине, — сказал
Жерновой устало и недовольно. — С твоим характером
там не усидеть. У тебя упрямства у одного на целую
роту хватит.

Каширин видел, что майор им недоволен, но старал-
ся об этом не думать. Важно, что разрешение получе-
но и можно распрощаться со складом.

Повар Брагинец и в самом деле усиленно тянул Ка-
ширина к себе в помощники: дружба у них была
старая.

— Пешего хождения или тем более беготни у водо-
воза нету, — уговаривал Брагинец. — В поисядку пу-
скается вокруг котла тоже не пребуется. Так что нога
тормозить не будет.

Брагинецу льстило, что в помощниках у него будет
человек знаменитый в полку, при трех наградах. Кроме
того, повару надоело возиться с водовозом Батрако-
вым — неповоротливым увальнем...

Колодец в деревне Станишки был завален. Северной
деревни, за опушкой леса, протекал ручеек, но вода в
нем отдавала какой-то горечью и запахом гнили.
Оставался родник вблизи берега Шешупы на переднем
крае, в расположении шестой роты.

Родник был у восточного подножья холма, но дорога

туда просматривалась, и немцы всякий раз яростно били по водовозу из минометов, так что Батраков ездил по воду только ночью, а днем надоедал всем просьбой экономить воду.

Каширин успевал сделать за ночь несколько рейсов к роднику, но перед рассветом неизменно выезжал туда еще раз.

— Слезай с бочки, Григорий Иванович, — сказал как-то Брагинец. — Хватит на сегодня. Еще вчерашней полный бак.

Каширин подобрал веревочные вожжи, но остался сидеть на облучке и сердито сказал:

— Куда ее такую, вчерашнюю. Разве на стирку? Лучше я тебе свежей воды привезу, про запас.

— А обратно? Рассвет теперь торопливый.

— Пусть! — сказал Каширин и лукаво подмигнул, хотя Брагинец в полутьме не мог ничего увидеть. — Немного они против солнышка заметят. В это время их наблюдатели, как слепые котята. Дорога-то моя оттуда — прямо на восток!

Брагинец недоверчиво покачал головой, но спорить не стал: упрямство Каширина было общеизвестно.

Новый водовоз отрыл для бочки окол на восточном склоне холма. Он подъезжал к роднику, набирал воду, потом заводил свою кобылу «Осечку» в укрытие, как в стойло, а сам лез вверх в траншею к стрелкам.

Траншея тянулась крутой дугой пониже гребня холма. Каширин, приняв бравый вид и стараясь не прихрамывать, торопливо проходил в северный конец траншеи.

— Григорию Ивановичу — наше нижайшее! — приветствовал его старый знакомый, взводный Жарков.

Каширин устраивался в траншее так, чтобы солнце вставало прямо за его спиной. Немцы в час восхода сменяли караулы и завтракали. Они сновали по ходу сообщения пригнувшись, но нередко то тут, то там показывалась на мгновение голова в пилотке.

«Уже по своей земле бегают пригнувшись, — думал Каширин с веселым злорадством. — Погоди, ползать заставим, в землю вгоним».

Редкое утро Каширин уходил из траншеи без «почи-

на». Он успевал проскочить со своей бочкой обратно, пока солнце стояло невысоко над горизонтом и прятало его в косых слепящих лучах.

Каширин приезжал на кухню, распрягал «Осечку» и тотчас же начинал разбирать и чистить винтовку. Брагинец делал вид, что ничего не понимает, никаких вопросов не задавал, но относился к нему с особой предупредительностью.

Майор Жерновой застал Каширина у кухни за чисткой винтовки.

— Ну, и плут же ты, Каширин, — сказал майор нарочито сердито. — Просился в водовозы, а ходишь в снайперах?

Григорий Иванович вскочил, вытянулся, отчего его шея сразу стала еще длинней, а воротник показался еще шире обычного, и молча принялся вытирать ветошью руки, все в ружейном масле.

— Восемнадцать фрицев за месяц угробил — это не шутка. Ты, Григорий Иванович, прямо как старый боевой конь.

— Был конь, да изъездился, — мрачно заметил Каширин. — Теперь бочку взад-вперед возит.

— Опять недоволен?

— Что же хорошего — в кухонном звании ходить? Водовоз — водовоз он и есть. Пустяшное занятие.

Брагинец издали все слышал и укоризненно качал головой, но Каширина это не остановило.

— А мне, товарищ майор, сами знаете, оставаться во втором эшелоне никак невозможно. Поскольку я на действительной службе...

Майор рассмеялся и, не сказав ни да, ни нет, пошел прочь. Каширин заторопился за ним вдогонку. Он искал подходящего случая, чтобы «доложить боевую обстановку», то есть попроситься в снайперы и поговорить о винтовке с оптическим прицелом. Шагал он довольно быстро и не припадал, как прежде, на левую ногу. Может быть, он умело скрывал свою хромоту, а может быть, и в самом деле поправился.

* * *

Зофия Квецинская
БОЕВОЕ БРАТСТВО

Р а с с к а з

Человек замерзал. Медленно от кончиков рук и ног, от поверхности кожи приближалась к его сердцу смерть. Равномерно, острыми уколами напоминала она о своем присутствии... Из темноты доносился вой. Там, за стеной ночи, происходило то, от чего он убежал, от чего спасся только чудом. Погруженный по шею в воду, Иван ловил в этом хаосе и шуме бешеный лай собак и человеческий вой.

«Охота» длилась уже час. Это оберзехтфюрер, желая развлечь себя и своих подчиненных, устроил «охоту с травлей». Никто из пленных не догадывался, что произойдет, когда поздно вечером их вызвали во двор. Немцы окружили их кольцом. Привели свору собак. По данному знаку собаки бросились на беззащитных людей. Раздалась команда: «Спасайся!» Обезумевшие люди бегали из одного конца двора в другой, прятались за постройки, залезали в ямы. А за ними следом бежали разъяренные псы.

Иван не знал, каким образом он вырвался из этого кольца, как пробрался через заграждения и как очутился в этом болоте.

Вой усилился. Он напоминал о том, что нужно бежать, спастись, уйти, как можно дальше, пользуясь темнотой, пока они там заняты еще своей адской игрой. Опираясь израненными, наболевшими руками на кустики острой мерзлой травы, Иван пополз в направлении, противоположном лагерю, осторожно, медленно, чтобы не плеснула вода, чтобы не зашелестела твердая, как жест, одежда.

И вот болото окончилось, руки Ивана нащупали сухой, твердый грунт. Над головой зашумели деревья. Плотной, огромной массой стоял лес, дремучий, таинственный.

В лесу можно было идти во весь рост, но ноги, опухшие, израненные, страшные ноги беглеца не могли

удержать тяжесть тела. Их жгла боль, они бессильно подгибались. Поэтому и дальше Иван полз на животе, хватаясь руками за кусты, подтягиваясь все дальше в гущу.

Горели рубцы на избитой спине. Сухой, твердый язык разрастался во рту до чудовищных размеров. Но было невыразимым счастьем так ползти — болью всех мышц, болью каждого квадратного сантиметра тела, теряя сознание от усталости, приходиться в себя и снова ползти вперед, ползти — свободным.

Вдруг руки Ивана потеряли опору, голова полетела вниз, потянув за собой все тело. Фейерверком рассыпались тысячи искр, и все затихло и погасло в сознании.

* * *

Широко расстилается плодородная сибирская степь. Серебристые метелки травы блестят на солнце, и степь издали кажется морем. И так хорошо, так несказанно хорошо идти среди трав и чувствовать на лице острое дыхание ветра. Родная земля ног не ранит, целует их своим мягким прикосновением, сама несет на себе, и даль перестает казаться далью, усталость — усталостью. «Сколько времени я так иду?» — думает Иван и вдруг замечает, что он не идет, а плывет по траве, летит высоко над землей, над краснеющими по-осеннему перелесками... А эта береза на опушке — вовсе не береза: это — мать. Она протягивает к нему руки и говорит как-то странно, беззвучно: «Вернулся, сынок. Пойдем домой». И летят вместе, все быстрее, пока весь мир не начинает кружиться, все сливается в единую массу, и наступает темнота...

Лежа без движения, Иван силился понять, где он находится, припомнить что-нибудь, но все воспоминания обрывались на лесной дороге. Но сейчас он не был в лесу, это безусловно, и не в лагере пленных... Так где же?

Руками Иван нащупал грубый кожух. Больше ничего не мог найти. Ищущие в темноте руки всюду попадали

в пустоту. Хотел встать — и свалился на землю. Рядом с ним что-то резко шевельнулось. Зашлепали босые ноги. Чиркнула спичка, извлекая из темноты какие-то двигавшиеся фигуры. Спичка погасла.

— Говорила я тебе, говорила, лучше на землю его положить, — раздался старушечий, охрипший голос.

— Ну да! На землю! Ведь там мокро, — ответил другой, высокий детский голосок.

Разговор шел не на русском языке. Однако слова звучали знакомо и понятно.

Снова чиркнула спичка. Возле Ивана возились две женщины: одна держала в руках горящую лучину, другая силилась втолкнуть его на скамью. Он не протестовал и не помогал. Весь запас энергии он истратил минуту тому назад, силясь подняться. Женщины что-то говорили. Слова доходили до ушей Ивана, но сознание их не воспринимало. Женщины прикладывали к его голове какие-то мокрые тряпки, заботливо укрывали его кожухом... Иван хотел заговорить с ними, узнать, где он находится, но не смог ничего сказать и снова погрузился в мертвенное оцепенение.

* * *

Проходили дни в затерявшейся в лесу избушке. Шло время, затянулись раны. И Ивану казалось что живет он здесь очень давно, что никогда нигде больше не был, что вне этой избы и леса ничего не существует. Целыми днями лежал он, прикрытый кожухом, на камье. Не хотелось открыть глаз, не хотелось говорить — ничего не хотелось.

Временами Иван старался понять, что он здесь делает, откуда попал сюда, кто эти две женщины, ухаживающие за ним, как за родным. Но мысли путались, наваливались одна на другую, смешивались.

Однажды Иван спросил:

— Где я нахожусь?

Тогда младшая из женщин, девочка на высоких тонких ногах, с еще ребячьим личиком, с радостным криком бросилась в сени.

— Тетенька!.. Тетенька!.. Он что-то говорит!

Пришла старуха, вытирая на ходу мокрые, красные от холода руки. Нагнулась над Иваном, внимательно рассматриваясь, не бредит ли он. Когда Иван повторил свой вопрос, женщина на ломаном русском языке стала объяснять:

— Ну, принесли тебя ночью из лесу. Сказали: «Вероятно, пленный, убежавший из лагеря. Подремонтируй-те его немного, а там видно будет». А потом мы сообщали, что ты, верно, русский, потому что все время по-русски говорил, только без всякого смысла. Понятно, в горячке Ну, а теперь, раз уже ты заговорил, скажи, кто ты и откуда.

Но Иван не помнил. Зовут его Иван Сергеевич Фомин, родился он в деревне Татарка в Сибири, больше... больше не помнит ничего. Возникают где-то в памяти фигуры бойцов, бой, лагерь... Но все перепутано, нето сон, нето явь.

— Ну, не беспокойся! Все потом припомнишь. — И тетка пошла обратно в сени. — А ты, Ганка, разговаривай с ним понемножку, а то ему скучно одному, — добавила она, открывая дверь.

— А как я с ним буду говорить, если я по-ихнему не умею?

— По-польски говори. Он поймет.

— Ты понимаешь? — несмело спросила Ганка Ивана, когда тетка ушла.

Иван утвердительно кивнул головой.

— О. — удивилась девочка, — а я не знала. И, прислонившись к скамье, на которой лежал Иван, начала болтать:

— Когда тебя тогда принесли, я вначале очень боялась, а потом привыкла. Только я ничего не понимала, что ты говоришь, ну, ничего! А ты по-нашему не умеешь?

— Нет

— Ну, так я тебя научу. Или пусть лучше тетка попробует. Ох, она такая умная! Другой такой, как она, нет на свете. Когда мы еще в деревне жили и немцы начали убивать евреев (а у нас в деревне жило их

пять человек), тетка всех евреев спрятала. Потому что, — говорила она, — «начнут с евреев, а кончат нами». А потом нас немцы стали подозревать, и мы все ушли в лес.

Франек — тоже очень умный. А какой храбрый! Ничего не боится. Иногда он разговаривает со мной, как со взрослой. Но это редко бывает. Нет времени. Потому что он, видишь ли, борется, — девочка подняла вверх палец и сказала, — за свободную демократическую Польшу, — так учит Франек.

Иван был потрясен. По его телу пробежала болезненная пронизывающая дрожь... Эти слова, как ослепительный блеск, вырвали из его застывшей памяти картину: площадь возле лагеря пленных, виселица и этот молодой, шестнадцатилетний паренек, кричавший: «Повесьте меня, замучайте, втопчите в землю — все равно вам не победить! Да здравствует свободная, демократическая Польша!»

Через открывшуюся щель лавиной хлынули воспоминания. Перед глазами промелькнули знаки свастики, толстые красные морды, дубины, дула автоматов, трубы, целые горы трупов, пылающие костры... Заныли шрамы на спине. Вместе с воспоминаниями вернулась жажда мести и борьбы.

Иван встал. Поспешно стал одеваться.

Ганка смотрела на него широко раскрытыми глазами. — Ты это что? Куда ты? И не подумай выходить из избы! И не думай!

— Но почему?

— Франек велел, чтобы ты пока что сидел здесь.

Вечером пришла старуха. Слушала рассказ Ганки, кивая головой.

— Горячий мужик!

Казалось, с губ Ивана сорвали печать молчания. Волнуясь, своим сибирским говорком начал он рассказывать старухе о событиях прошлого, бессвязно, торопясь, так, как подсказывала ему проснувшаяся память.

Немного из этого поняла старая женщина. Видела только, что человек страдает и хочет бороться, что

горе ему причинили те же, которые лишили ее родного крова и самых близких, и плакала.

Обняла голову Ивана и крепко, по-матерински поцеловала:

- Ты, сынок, не горюй! Уж я скажу кому надо. Ты уж, конечно, не будешь здесь сидеть. Пойдешь с нашими мужиками. А там, смотришь, ваши подойдут. Ведь будет такое время, будет...

Однажды тетка сообщила:

— Ну, идем, отведу тебя, куда нужно.

Иван, обнимая на прощанье Ганку, сказал:

— Прощай, Анечка, — и по-польски добавил: — Буду драться за вашу и нашу свободу! За свободную, демократическую Польшу!

* * *

Все это произошло в 1942 году, задолго до того, как Красная Армия начала свое наступление, которого так ждала тетя Ганки. Мне рассказала обо всем этом Ганка уже накануне полного освобождения Польши. Широко раскрыв свои большие, как бы удивленные глаза, Ганка добавила:

— А Иван сейчас опять в Красной Армии. Он стал офицером... Он приезжал к нам... Какой он сильный и смелый!

Перевела с польского Вероника Мотылевская

. . .

Антон Пришелец

РОМАШКА

Пилоткой вытер пот со лба,
Как в час походного привала,
У пограничного столба
Стоял он гордый и усталый.

Он много верст в бою прошел,
Врагов отчизны изгоняя
Из русских полоненных сел,
Из городов родного края.

Как он спешил
И как мечтал
Дойти до этого предела!
И вот — заветная черта
И столб с дощечкой заржавелой.

Глядит на запад,
Но глазам
Все видится, куда ни глянет,
Над Волгой вешняя гроза,
И дом в саду,
И сад в тумане.

Он к ним вернется,
Он придет
К своим единственным, любимым,
Что ждут его четвертый год,
Войдет желанным, невредимым...

Умолкла редкая стрельба.
И он, отстегивая фляжку,
Вдруг видит:
Рядом, у столба,
Цветет чудесная ромашка.

Родной цветок родных полей,
Краса лесных полян и склонов,
Друг пионерских лагерей
И спутник юности влюбленной!

Боец порывисто приник
Лицом к цветку.
И в тот же миг —
Искавшая его беда,
Над самым ухом, за спиною,

На миг секунды опоздав,
Метнулась мина с волчьим воем!

И в стороне разорвалась,
Лишь ветром полоснув ресницы
И дымом застелив от глаз
И волжский домик
И границу.

А тот, кто жизнь ему сберег, —
На хрупком стебельке зеленом
Ромашки солнечный глазок —
Смотрел светло и удивленно.

* * *

Евгений Долматовский

ВОСХОД СОЛНЦА

У нас уже, наверное, снега,
Уже надели валенки и шубы...
А здесь равнина все еще нага,
И журавлей недавно смолкли трубы.

Белеет иней, травы облепив,
Десятый час, а ночь все длится, длится.
Земля еще как будто негатив,
Она никак не может проявиться.

А на Камчатке золотой туман,
И день дальневосточный на исходе.
На берег выбегает океан,
Сейчас зажгут огни на пароходе.

В Сибири полдень. Чистый, ровный свет.
И на снегу цехов большие тени.
А что у нас сегодня на обед?
Наверное, ушастые пельмени.

А в шумном городе моей души
Давно бегут веселые трамваи.
Ты на стекло легонько подыши,
И я тебя увижу и узнаю.

Теперь уж скоро солнце; здесь взойдет.
Редет тьма. Алеет на востоке.
Оно идет от Киевских высот,
Из Белоруссии лесов далеких.

Скажите, лейтенант который час?
В Москве, на Спасской, девять тридцать би.ю.
Сначала солнце поднялось у нас,
Потом поля Европы осветило.

. . .

Анатолий Софронов

ПОЛДЕНЬ

Войны обычно кончаются в полдень.
Пушки замолкнут, рассеется дым,
Солнце, сквозь тучи пробившись, заполнит
Небо и землю огнем золотым. |

Нас этот полдень застигнет далеко,
Засеребрятся под солнцем виски;
С неба звенящий опустится клеток
И упадет в тишине на пески.

Снова услышим мы шорохи листьев,
Дятла увидим в тени на дубу;
Ветер пройдет над травой по-рысьи,
Волосы русые тронет на лбу.

Мы подойдем к иноземным озерам
И, наклонившись над ними тотчас,
Радость увидим в немеркнущих взорах.
Сетки морщинок увидим у глаз.

Будем мы слушать молчание пушек,
Как, остывая от долгой палыбы,
Будут молчать их железные души,
Спутники нашей военной судьбы.

Все это сбудется. Солнце над лесом
Скоро подымется, станет в зенит.
Воздух наполнен огнем и железом,
Глухо вздыхая, гудит динамит.

Други, товарищи, ратники славы,
Город за городом вражий падет.
Через пески, через реки, дубравы
К полдню навстречу, к победе, вперед!

* * *

А. Ульяновский

ЕЕ ПОСЫЛКА

Валя сидела у окна, обхватив сзади себя спинку стула, и с сердцем болтала ногами... Почему она не приготовила географию? Ну, почему?.. Двойка! Как старательно вывел ее этот противный Кузьмин, такой длинный и злощный. «Казбек!» — сердито сказала вслух Валя, вспомнив про его высокий голый череп с каемочкой седоватых волос.

— Завтра выучу, лучше тебя буду знать, — добавила она уже про себя. Короткий звонок заставил ее побежать в переднюю.

— Валя Попова? Здравствуй! — И вошедший протянул руку. Это был совсем незнакомый летчик-майор.

— От папы! — вскрикнула Валя, и ей вдруг стало трудно дышать.

— Жив и здоров. Воюет, — весело сказал майор.

— Жив, — повторила Валя и почувствовала, как по щекам потекли слезы. Она бросилась к вешалке, вцепилась в пальто и уткнула в него мокрое лицо.

— А ну-ка, Валя, зови маму,—сказал майор, осторожно взяв ее за плечи.

Но мамы не было дома: она уехала в командировку.

— Значит, ты за хозяйку? — улыбнулся майор. — Ну, принимай! — И они прошли в комнату.

Валя не находила себе места: она то садилась рядом с майором, то вскакивала и бежала к окну, то собирала зачем-то разбросанные на столе учебники. И все это время она, не переставая, слышала один вопрос за другим.

За пять минут теплым ветром сдуло все страшные мысли, которые мучили ее целые полгода. Папа жив, папа работал в тылу у немцев, папа встретил теперь наших и идет вместе с ними вперед, на запад!

А когда майор вынул два письма — для нее и мамы, — она сразу забыла о всех вопросах и, наморщив лоб, стала глотать строчку за строчкой.

Письмо было коротеньким. В нем уместилось совсем немного самых простых, обыкновенных слов, но Вале казалось, что она прочла большую, толстую книгу о любви и ласке. И так смешно кончалась эта дорогая записка: «Ищу сапоги-скороходы, чтобы поскорей прошагать по немецкой земле до самого Берлина».

Майор встал. Он торопился. У него была масса всяких дел. А завтра — вылетать назад.

— Ну еще, хоть четверть часика, — просила Валя. — Я соберу кое-что для папы. Можно?

Майор засмеялся.

— Так и знал! Был штурмовиком, стал почтальоном. Десять писем в тыл и в ответ десять посылок на фронт! А бензин куда девать?

Валя насупилась.

— Ну, ладно, ладно, — похлопал он ее по руке, — пиши письмо, готовь посылку. Только что-нибудь нужное и очень маленькое. Завтра в 8.00 зайду. — Он поцеловал ее в голову и ушел.

Валя осталась одна. Тишина комнаты мешала ее счастью. Она побежала к соседям и, перебивая себя, стала рассказывать обо всем и старенькому обойщику Петру Семеновичу, и тете Нюше, и даже черному коту Марсу:

который равнодушно щурил глаза и медленно шевелил длинными щетинками белых усов.

Труднее всего было решить, что послать папе. Если бы дома была мама! Валя перебрала в голове тысячу предметов: все было не то. Она еще раз перечитала письмо и вдруг поняла, что надо достать. Довольная, она выбежала на улицу.

Прошло два часа. Она медленно вышла из восьмого или десятого книжного магазина. Того, что она искала, нигде не было. Стало грустно. Вспомнилась «двойка», «Казбек». И тут же мелькнула мысль: «Да у него же! У него обязательно есть!» Но идти было страшно. Она долго колебалась, спорила с собой и, наконец, все-таки пошла к Кузьмину.

«Казбек» сам открыл дверь.

— Сергей Сергеевич,— стоя на площадке, сказала Валя,— я пришла вас просить...

Кузьмин не дал ей договорить:

— Стыдно! — бросил он резко. — Стыдно! Ты — пионерка! Я по просьбам отметок не меняю и не зачеркиваю! — И захлопнул дверь.

Валя вспыхнула и покраснела. Как? Он думает, что она пришла из-за отметки?! Да как он смеет?! И, не помня себя, заколотила в дверь кулаками.

Снова щелкнул замок.

— Что это за безобразие? — с расстановкой произнес Кузьмин. — Ты...

Но на этот раз перебила Валя. Она не помнила, что она говорила. Слова сыпались, как горох, она захлебывалась, почти кричала.

Сергей Сергеевич переминался с ноги на ногу и, смотря в пол, хрустел длинными, костлявыми пальцами.

— У тебя... хорошая гордость,— сказал он медленно, как бы подыскивая слова.— И ты всегда защищай свою честь, если кто-нибудь обидит. Пойдем!

«И совсем он не злой и не противный»,— подумала Валя, проходя в комнату.

— Я хочу вас о чем-то попросить,— начала она, не зная, куда девать руки.— Вы мне дадите... Я знаю, что дадите...— И стала рассказывать.

Но Валя ошиблась. Кузьмин отказал. Не мог же он отдать то, что ему нужно.

— Но вы прочтите, прочтите, что папа пишет! — просила Валя и выложила на стол письмо.

— Не могу, — повторил Кузьмин, отодвигая конверт. «Противный! Противный!» — хотела крикнуть Валя и выбежала из квартиры, забыв захватить письмо.

Сергей Сергеевич слышал, как хлопнула входная дверь. Ему стало неприятно. Перед ним лежал конверт с адресом Вали. Он вынул небольшую бумажку, прочел ее и задумался...

Совсем стемнело, а Валя все еще не зажигала свет. Она сидела в углу дивана и плакала. Так много бегала, так старалась — и ничего не вышло.

Кто-то упорно звонил второй, третий, четвертый раз. Пришлось открыть.

В темную переднюю шагнула высокая, худая фигура. Валя от неожиданности попятилась назад.

— Ты забыла письмо, — сказал Сергей Сергеевич. — И потом... потом возьми вот это. — Он протянул небольшой сверток.

Валя всплеснула ладошами.

— Хороший у вас дом, а лестница не освещена. Идешь, как слепой, — недовольно пробурчал Кузьмин и повернулся к выходу.

Валя схватила его за руку.

— Нагнитесь, — шепнула она.

Он подумал, что она хочет сказать что-то по секрету, и, сгорбив спину, подставил ухо. Быстрый, горячий поцелуй обжег его щеку. Девочка мелькнула неясным пятном и словно растаяла в душной темноте передней.

Сергей Сергеевич выпрямился, вышел на площадку и осторожно прикрыл дверь. Ощупью спускаясь по лестнице, он неожиданно для себя в первый раз в жизни фальшиво запел какую-то простенькую песенку, сохранившуюся в памяти с далекого детства.

На следующий день ровно в 8.00 Валя протянула майору письмо и маленький четырехугольный сверточек.

— Можно посмотреть? — спросил майор.

Валя молча кивнула головой.

Майор развернул большой плотный лист, наклеенный на коленкор.

— Да-а,— сказал он,— это, действительно, нужное. И понадобится папе, может быть, даже скорее, чем ты думаешь.

В руках у майора была карта Берлина.

* * *

Ив. Трусов

ОГОНЬ

Р а с с к а з

Вечером улица наполнилась скрипом множества шагов. Выглянув наружу, Мариша увидела немцев.

Деревня давно была ограблена, и немцы в последнее время появлялись в ней редко. По-двое, по-трое приезжали к старосте. А этих было около ста, измызанных, серых и мрачных. И пришли они не со станции, как прежде, направляясь на фронт, а со стороны леса. «Удирают»,— с радостью подумала Мариша.

В избе Мариши разместились офицеры с двумя солдатами. Не найдя ничего съестного, кроме черствого каравая, солдат ударил Маришу. Охнув, она села на порог. Солдат приказал встать.

Прошло больше часа. А Мариша все стояла. Усталость подкашивала ноги. Ей было противно слышать лающий говор немцев, дышать одним с ними воздухом.

Офицеры играли в карты. Старшим среди них был костлявый, с огромными очками на лутином носу, сидевший спиной к стене. Он, должно быть, проигрывал. Длинное лицо его все больше мрачнело. И все чаще он выкручивал фитиль пятилинейной лампы, горевшей на столе.

Мариша, решив, что о ней забыли, села на перевернутое ведро. Но тут же очкастый резко крикнул ей:

— Матка! Давай керосин.

Мариша поднялась.

— Керосина у меня нету. Что берегла, весь до капельки в лампе.

— Вы все прятать. Давай!

— Да нету же. Не верите, ищите...

Офицер взял колоду карт и начал тасовать их. Потом он опять вывернул фитиль и, глядя на Маришу, жестко сказал:

— Огонь капут — твоя жизнь тоже капут.

Отражая свет лампы, очки горели желтоватым блеском.

«Взаправду убьет», — подумала Мариша и стала одеваться. Повязавшись шалью, она взяла из угла пустую бутылку.

Подле крыльца топтался часовой. Увидев Маришу, он крикнул: «Щурюк!» Но тут вслед за нею вышел солдат. Он что-то сказал часовому. Тот отступил. Идя от крыльца, Мариша услышала: оба немца рассмеялись.

Изда соседки была полна солдат. Одни лежали на полу, другие теснились у топившейся печурки. Мариша позвала соседку:

— Тетка Дарья, ты где тут?

Соседка откликнулась из темного угла. Мариша с порога рассказала ей, зачем пришла.

— Откуда же у меня керосин?! — удивилась соседка. — Да и охота тебе искать.

— Не о них забочусь. Офицер притрозил: догорит лампа — и самой мне смерть.

Мариша побывала еще в трех избах и послепила к старику Семену Васильевичу Гурову, жившему в конце деревни. Она уже не могла тратить времени на поиски. А Семен Васильевич Гуров не зря пользовался в колхозе всеобщим уважением и любовью: он был отзывчив, умен. Он выручит...

Сквозь щелку в маскировке окна пробивался тоненький лучик. Обрадованная Мариша постучалась. Было тихо. Лишь шуршал ветер соломой. Мариша постучала сильнее. Щелка в окне засветилась ярче. Мариша принялась бить каблуком. Наконец, из-за двери послышался голос Гурова.

— Кто там?

Я, Мариша...

— Чего тебе?

— Беда. Открой...

Заскрипел железный засов. Дверь подалась внутрь. Мариша открыла ее шире и вошла в сени. Гуров проворчал:

— Эк, ты! Подожди-ка малость...

Но Мариша, не ожидая, нашарила скобу.

Очутившись в избе, Мариша прежде всего увидела два огонька. Один горел на столе, узенький, с ниткой копоти. Другой светился в красном углу. Мариша глянула туда, и слово «здравствуйте» застыло на ее губах. На лавке, ногами к двери, недвижно лежала хозяйка, накрытая до подмышек миткалем. Жилые руки ее были скрещены на груди. Между пальцами торчала горящая свеча...

Вошел Семен Васильевич.

— Что же это, а?! — тихо воскликнула Мариша, обернувшись к старику. — Умерла?..

Но старик выглядел не слишком опечаленным. Скуластое, с аккуратным сивым клинышком бороды, лицо его выражало только досаду. Мариша не решилась сказать что-либо в утешение. Но и неловко было сразу заговорить о своем деле.

— Нынче умерла Андреевна?

— Да. Аккурат перед приходом немцев. А у тебя какая беда?

Мариша начала рассказывать.

— Ишь, дьяволы! Свет им нужен... Чорта с два! — хмурясь, пробормотал старик.

Мариша замолчала, огорченная. Старику, конечно, нельзя без света. Но, кроме копилки, у него есть еще свеча... Андреевне же все равно. Удобно ли попросить?

Огонек свечи колыхнулся. «Может, от окна подул?» — подумала удивленная Мариша. И снова заговорила. При этом она поневоле косила глазом в угол, на свечу. Сухие губы покойницы вдруг сложились колечком, выпятились, и послышалось: ф-фу! Огонек запрепетал, вытянулся в сторону и исчез, будто слетев с фитилька.

Мариша оцепенела.

— Ты что? — спросил Семен Васильевич.

— А чего же свечке зря гореть! — сказала хозяйка, поднимаясь с лавки. — Да и мне лежать...

Она села, положила свечу на стол, рядом с книжкой. Усмехнувшись, сказала Марише:

— Испугалась? Все из-за него, седого дурака...

Семен Васильевич объяснил:

— Сама виновата. Я еще в сених хотел ей сказать, да не успел.

— Зачем же вы это?.. — проговорила Мариша. — В шутку?

Семен Васильевич ответил с досадой:

— Какие там шутки! Для немцев. Увидел я — идут. А в избу мне их пускать нельзя. Есть причина. Ну, и велел Андреевне... Вошли трое. Я над «покойницей» псалтырь читаю, то есть вон справочник. Глянули они — и назад. Потом другие пришли. Этим тоже не понравилось...

Мариша, не дослушав, захохотала. Вот так старик! Ловко! Она смеялась, пока не вспомнила о своем деле. Угроза офицера теперь не казалась такой страшной. В конце концов Мариша может и не вернуться домой. Но все же она поскуучнела.

— Ну, а мне-то как же быть?

Под полом послышался шорох, затем кто-то постучал в доску. Семен Васильевич отодвинул скамью. Крышка люка открылась. Из темного четырехугольника, как бы вырастая, поднялся человек в меховой ушанке. Ладный, с блестящими черными глазами, он стал перед онемевшей Маришей. Подав ей руку, улыбнулся.

— Вот мы и свиделись! Здравствуй!

Марише опять стало радостно. Это был брат ее мужа, сражавшегося в Красной Армии, бывший конюх Алексей, отчаянный и веселый.

* * *

...Две женщины, повязанные шальями, подошли к часовому. В руках у каждой была бутылка. Узнав Маришу, часовой сказал: «Гут». Мариша взошла на крыльцо.

Вторая женщина задержалась на нижней ступеньке. Часовой повалился наземь и захрипел.

— А ну, берись-ка за ноги! — шепнул Алексей. — Быстро!

Они втащили немца в сени. Потом Мариша открыла дверь избы. Лампа горела тускло, краснея обугленным фитилем.

— А, матка! Капут! — сказал очкастый офицер. — Нет огонь!

— Вот он, нате! — ответил Алексей, выступив вперед.

Бутыль ударилась в стену, над головой очкастого. Мгновенно, как взрыв, вспыхнуло голубовато-белое пламя. Оно расплескалось широко, струями и брызгами. Очкастый, завыв, грудью упал на стол. Спина и голова его пылали. Другие офицеры слепо закрутились на месте. Алексей метнул вторую бутылку... Мариша выскочила на крыльцо. Алексей задержался в сенях, колом подпирая дверь. Потом он стал запирать и сени. Мариша поторопила его:

— Да быстрее же!

— Не бойся, — спокойно ответил Алексей. — Огонь не скоро выбьется наружу. А там налетят наши...

* * *

Михаил Львов

УРАЛ

Я был на стройках Южного Урала.
Я видел, как выстраивался в ряд,
Сверкая полированным металлом,
За новым агрегатом агрегат,
Как будто артиллерия морская,
И выдох пушек, вспышками огня
Великий труд победы освещая,
Как легкий дым, окутывал меня,

В жару июля и в мороз крещенский
В волнах пшеницы, в угольной пыли
Мой путь лежал от энска и до энска,
По городам промышленной земли.
Я видел, как победа вырастала.
Свидетельствую: пролетят года —
Спасительное мужество Урала
Отчизна не забудет никогда.

Урал, Урал... Заводы... Шахты... Горы...
Страной железа видишься ты мне.
Твои сыны, литейщики, шахтеры,
Себя, как дома, чувствуют в огне.
С рождения металлом окруженный
Уралец — прирожденный металлист,
А, значит, он и воин прирожденный,
И слесарь от рожденья, и танкист.

В пороховой окутываясь запах,
Идет на запад наших танков вал.
И сам Урал подвинулся на запад,
Придвинул пушки к западу Урал.
Встает победы солнце над страной.
Ты видишь — свет над немцами померк.
Ты видишь — наша ненависть грозой
Обрушилась на черный Кенигсберг.

А над Берлином прах она подьмлет.
Здесь враг живой, здесь орды он собрал,
И в эту провинившуюся землю
Осколками вливается Урал.

Пройдут года — над веком небывалым
Потомки совершат свой поздний суд.
Победу назовут они Уралом,
И мужество Уралом назовут.

* * *

ШЕЛ СТАРИК ИЗ-ЗА ДУНАЯ

Слова *М. Рудермана*

Музыка *Л. Бакалова*

В темпе марша

Пение

1 Шел старик из-за Ду. на . я.

м.-п.

The first system of the musical score consists of two staves. The upper staff is a vocal line in treble clef with a key signature of one flat and a 2/4 time signature. It begins with a double bar line and a repeat sign. The melody starts on a middle C, moves up stepwise to G4, then has a half note on A4, followed by a quarter note on B4, and ends with a quarter note on C5. The lower staff is a piano accompaniment in grand staff (treble and bass clefs). It features a steady quarter-note bass line and chords in the right hand. The first measure contains a C4 octave pedal point and a C4-E4-F4 triad. The second measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The third measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The fourth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The fifth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The sixth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The seventh measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The eighth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The ninth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The tenth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The eleventh measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The twelfth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The thirteenth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The fourteenth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The fifteenth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The sixteenth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The seventeenth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The eighteenth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The nineteenth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The twentieth measure has a C4-E4-F4 triad and a G4-A4-B4 triad. The dynamic marking *mf* is placed above the piano staff.

а на встречу ба- таль он . Ты ку. да, о. тец. шн.

The second system of the musical score continues the vocal line and piano accompaniment. The vocal line continues with a quarter note on D5, a quarter note on E5, a quarter note on F5, a quarter note on G5, a quarter note on A5, a quarter note on B5, and a quarter note on C6. The piano accompaniment continues with the same rhythmic pattern and chords as the first system. The dynamic marking *mf* is also present in this system.

- га ешь? - Я, ро - ди - мы - е, на де.

The first system of the musical score consists of a vocal line on a single staff and a piano accompaniment on two staves. The vocal line begins with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The lyrics are "- га ешь? - Я, ро - ди - мы - е, на де." The piano accompaniment features a complex texture with many beamed notes in the right hand and a more rhythmic bass line in the left hand.

- Ты ку - да, о - тец, ша - га - ешь? - Я, ро - ди - мы - е, на

The second system continues the musical score. The vocal line has the lyrics "- Ты ку - да, о - тец, ша - га - ешь? - Я, ро - ди - мы - е, на". The piano accompaniment continues with similar complex textures, maintaining the melodic and harmonic flow of the piece.

Для повторения Для окончания

. Доч. - си.

The third system is divided into two parts. The first part is labeled "Для повторения" (For repetition) and the second part is labeled "Для окончания" (For conclusion). The vocal line has the lyrics ". Доч. - си." The piano accompaniment includes a dynamic marking of *p* (piano) in the right hand during the conclusion section.

1

Шел старик из-за Дуная,
 А навстречу батальон.
 — Ты куда, отец, шагаешь?
 — Я, родимые, на Дон.

2

На чужбину нас угнали,
 День и ночь пытали нас,
 Если б силу не отняли,
 Взял винтовку бы сейчас.

3

Говорят ему солдаты,
 Словно песню слышит он:
 — Ты иди домой до хаты,
 Ты иди на синий Дон.

4

А за муки на чужбине
 Нам ответит подлый враг.
 Над поверженным Берлином
 Реет наш победный флаг.

5

Передай родному краю
 Боевой от нас поклон!..
 Шел старик из-за Дуная,
 А навстречу батальон!..

* * *

Цезарь Солодарь

ТРИ ПРИЯТЕЛЯ-ДРУЖКА

Три приятеля-дружка
Из гвардейского полка
После боя на привале
Чай подогревали.

И сказал один дружок:
— Я вас приглашаю
В приднепровский мой садок
С медом вышить чаю.

И услышал он в ответ
От друзей-приятелей:
— В гости мы к тебе приедем,
Обязательно приедем,
Обязательно!

Три приятеля-дружка
Из гвардейского полка
После схваток очень жарких
Выпили по чарке.

И сказал второй дружок:
— В гости приезжайте,
Кахетинским шашлычок
Вволю запивайте.

И услышал он в ответ
От друзей-приятелей:
— В гости мы к тебе приедем
Обязательно приедем,
Обязательно!

Три приятеля-дружка
Из гвардейского полка
После боя на привале
Снова толковали.

Третий друг сказал: — Друзья,
После дня победы
На Кавказ поеду я
И на Днепр поеду.

Только раньше всем троим
Нам, друзья-приятели,
Погостить в Берлине надо,
Обязательно в Берлине,
Обязательно!

* * *

Анатолий Софронов

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Где-нибудь во мгле чужого края,
На границе чьей-нибудь страны
Девушка, от пыли вся седая,
Документы наши проверяя,
Скажет нам: — Конец, конец войны!

И, флажком взметнув, она добавит:
— Путь счастливый в мир вам навсегда!
И тогда выдавший виды гравий
И дорога бурая в оправе
Понесут нас вихрем в города.

В мир и в свет, включив в машине фары,
Будем мчаться мы во мгле ночной,
Слыша всюду песни и фанфары,
Сердца неумолчного удары,—
Вдоль дороги, вдоль по фронтовой.

Где нас утро мирное застанет,
Розоватый с холодком рассвет,
Там салют из пушечных грянет
Путников, спешащих с поля брани,
В мир спешащих, в мир и свет.

Может быть, под вечер, встретя стадо,
Мы к селу свернем издалека,
Выпьем и почувствуем усладу
Теплого парного молока.

Запах сладкий мира в нем почуем,
Запах детства, счастья и труда,
От чего отвыкли мы, кочуя,
Но к чему вернемся навсегда.

* * *

М. Исаковский

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты знаешь, я думаю часто,
Когда прекратится война,
Сойду я на станции:
 «Здравствуй,
Родная моя сторона!
Вот я и вернулся до дому,
Твой житель, твой старый знакомый,
Твой сын — черноморский матрос;
Он с южного, теплого моря
На север, в деревню Подворье,
И мир и победу принес»...

Чтоб сердце остыло немного,
У станции я постою
И памятной с детства дорогой
Отправлюсь в деревню свою;
Пойду я родной стороною
В безоблачный утренний час,
И встанет она предо мною,
Какой представлялась не раз;
Какою мечталась и снилась,
Какой на войне не забылась,
Родная моя сторона!

В ней только одно изменилось,
Что стала дороже она.

И запахи поля вдыхая,
Мне радостно будет шагать.
Березы, с пригорков сбегая,
Мне ветками будут махать;
Пастуший рожок за оврагом
Взгрустнет и замрет в тишине
На улице шумной ватагой
Мальчишки мепнутя ко мне.
И будут дивиться в избытке:
— Смотри — с якорями... моряк!
И выйдет сосед из калитки
И скажет: — Здорово, земляк!
С победой тебя и с возвратом,
С приходом в родные края!..

А вот и отцовская хата —
Приют мой и кровля моя.
И вот я иду через сени,
В сенях половицы скрипят,
И вот уж целуюсь со всеми
И всех обнимаю подряд.
И мать по плечу меня гладит,
Хлопочет, спешит угостить,
К столу приглашает и садит,
Не зная, куда посадить.
Седой, деловитый в движеньях,
Отец разливает вино:
— Ну, что же, сынок, с возвращеньем —
Пожалуй, не будет грешно...

В расспросах, в рассказах, в беседе
Пройдет незаметно полдня.
А там — потянулись соседи
Послушать, взглянуть на меня
И двери не знают покоя —
Идет и один и другой,
Как будто я чудо какое,
Как будто я праздник какой.

И радостно станет мне снова,
Что я хорошо воевал,
Что в час испытаний суровых
Сдержал краснофлотское слово —
Пощады врагам не давал;
Что эти поля и дубравы,
Деревни, поселки, сады
Сберег от смертельной расправы,
От люты немецкой беды...

Я думаю часто об этом
Великом, торжественном дне,
И ясным, немеркнущим светом
Он издали светится мне.
И бьюсь я бесстрашно с врагами,
С немецкою черною тьмой,
Чтоб мне не с пустыми руками
В тот день возвратиться домой,
А чтобы с далекого моря
Со славой и с честью притти,
В родную деревню Подворье
Победу и мир принести.

* * *

Александр Прокофьев

ЗА РЕКОЙ

День — межень и день — ненастье,
Ночью ж темной за рекой
Пусть приснится милой Насте,
Пусть приснится сон такой:

Будто летом на поляне
Ходит Настя у реки,
И куда она ни взглянет,
Распускаются цветки.

Насте мир открылся новин:
Будто к ней со всех сторон
Колокольчиков лиловых
Льется долгий перезвон.

Настя смотрит в даль большую,
Видит прямо пред собой:
На десятки верст бушует,
Вьется розовый прибой!

И, зажмурившись от счастья,
За долиной-долиной
У дороги встала Настя,
Будто обдана волной!

И сквозь всполохи такие
Из-за той цветной волны
Видит: братья дорогие
Возвращаются с войны.

Грудь во-всю горит у бравых,
Заслужили на войне
По два ордена на правой,
Два на левой стороне!

Подошли, где в белой пене
Стежек двух сошлись концы,
Подошли и на колени
Опустились молодцы.

Только сердцу каждый внемля,
Каждый с помыслом своим,
И целует каждый землю,
Отвоеванную им!

И светла в душе отрада,
И на все открытый взгляд...
— Здравствуй, сердце, здравствуй, лада,—
Братья Насте говорят.

* * *

Николай Рыленков

О Ж И Д А Н И Е

Закат в полях открыл ворота
У поворота большака.
Вокруг высокого омета,
Толкаясь, бродят облака.

Дымок курится над овином,
Завиться в ниточку готов,
Из сада тянет духом винным
Опавших листьев и плодов.

Теснятся сумерки к забору,
Сторонкой пятась от луны,
И вечера в такую пору,
Как песни девичьи, длинны.

Уж протрубили время сбора
Грачи за речкой у ольхи,
И ждут невесты: скоро, скоро
Домой вернутся женихи.

Они, в походах вспоминая,
Родные пашни и луга,
Дошли до синего Дуная
По следу черному врага.

А те, что в путь их снаряжали
И провожали до звезды,
Скосили травы, жито сжали,
Сметали копны и скирды.

И, как заведено вовеки,
Любимых ждут под отчий кров,
Все закрома и все сусеки
Зерном наполнив до краев.

Пусть, отомстив врагу сурово,
Приходят в тень родных ракии,
У нас для встречи все готово,
И стол для праздника накрыт.

Не опуская долу взора,
Проходит осень вдоль стрехи.
Невесты верят: скоро, скоро
Вернутся с фронта женихи.

Навстречу сердце им послать бы,
Иди, зарю с зарей сближай!..

...Да, будет год богат на свадьбы,
Как был богат на урожай!

* * *

ВОЗЛЕ САДА

Слова *М. Липирова*

Музыка *Л. Бакалова*

Moderato

Пение

1. Воз . ле са-да-о-го

Ф-п

f *mf*

- ро - да ни про-света, ни пре-хо - да

по кра-пи-ве злой. по кра-пи-ве

злой. Но ч-ла вет но му о. кош. ку

rit. *a tempo*
про-топ-тал тропу до-рож - ку па-рень мо-ло-дой,

па.рень мо ло.дой, про. топ. тая тро.пу до.

The first system of the musical score consists of three staves. The top staff is a vocal line in G major, 2/4 time, with lyrics "па.рень мо ло.дой, про. топ. тая тро.пу до." The middle staff is the piano accompaniment, and the bottom staff shows the bass line. The piano part features a rhythmic pattern of eighth notes in the right hand and a bass line in the left hand.

Для повторения	Для окончания
----------------	---------------

- ром. ку .лу ет

The second system is divided into two parts. The first part, labeled "Для повторения" (For repetition), contains the lyrics "- ром. ку .лу ет" and spans the first two measures. The second part, labeled "Для окончания" (For ending), spans the final measure. The musical notation includes a vocal line, piano accompaniment, and a bass line, with a repeat sign at the end of the first part.

1. Возле сада-огорода
Ни просвета, ни прохода
По крапиве злой,
 По крапиве злой.
Но к заветному окошку
Протоптал тропу-дорожку
Парень молодой,
 Парень молодой
Протоптал тропу-дорожку.
2. Отчего темна светлица?
Отчего сидит, томится
Любушка в окне?
 Любушка в окне.
Вот уж третий год проходит,
По тропе никто не ходит,—
Милый на войне,
 Милый на войне,—
По тропе никто не ходит.
3. Воевал солдат три года,
Воротился из похода
Во зеленый сад,
 Во зеленый сад.
До знакомого окошка
Заросла крапивою стежка,
Не ожгись, солдат.
 Не ожгись, солдат.
Заросла крапивою стежка.
4. Ой, солдат не остерегся,
Весь крапивою ожегся,—
Больно уж густа,
 Больно уж густа.
Он смеется, не горюет,
Крепко Любушку целует
В алые уста,
 В алые уста
Крепко Любушку целует.

Николай Панов

МАТРОССКАЯ ПЕСЕНКА

Жил-был веселый морячок.
Поплавает, потом
Разглядит гюйс-воротничок,
Идет в знакомый дом.
Стоит дивчина у ворот
Под ветром и дождем.
— Не ждали? — Нет, наоборот,
Мы вас давиенько ждем!

Идем на зюйд, идем на вест,
Идем на ост и норд.
Есть много девушек-невест,
Но в сердце — дальний порт.

Морская ночь холодна,
И волны в борт стучат.
Но есть у каждого одна —
Красивей всех девчат.
Пожатье рук, улыбку глаз,
Румянец нежных щек
В походах вспоминал не раз
Веселый морячок.

Идем на зюйд, идем на вест,
Идем на ост и норд.
Есть много девушек-невест,
Но в сердце — дальний порт.

На стенку выйдя, ждет она,
Не мыслит о другом.
Но, как волна, пришла война,
Сметая все кругом.
Лютует враг в родном порту
На рейде дымный чад,
И не слышать уже про ту,
Что краше всех децлат.

Идем на зюйд, идем на вест,
Идем на норд и ост.
Шлем за потерянных невест
Артиллерийский тост.

Гремят орудья на борту,
Гечет германца кровь.
Мы в отвоеванном порту
На рейде встали вновь.
Бежит дивчина от ворот
Под огненным дождем.
— Не ждали? — Нет, наоборот,
Мы вас давненько ждем!

Идем на зюйд, идем на вест,
Идем на норд и ост.
За отвоеванных невест
Мы поднимаем тост!

• • •

А. Ульяновский

В ЗЕМЛЯНКЕ

Сценка

Небольшой баладаж. Земляные нары. Тускло горит коптилка: огонек то взлетает, то испуганно ежится, и в такт ему колыхается по стенам три черные вытянутые тени. Трое сейчас в землянке. Возле самой лампочки, подобрав на нары босые ноги низко склонился молодой белобрысенький Петя Рожков. Он тараторно пришивает к гимнастерке чистый воротничок. Немного поодаль беспеша перекладывает большую пачку писем поземитый, широкий Федор Пронин. Ему уже за сорок, в густых сах — сединка, на носу очки: дальноркость. Недаром зовут его то «стариком», то «дядей Федором», то «Петровичем». А в дальнем углу весь какой-то длинный, худощавый Костя Горбатиук с апетитом ест картошку. Он как-то сразмаха тычет ложкой в котелок, набивает рот и очень быстро жует.

Петя (*разгибает спину, вдевает нитку в иголку, затягивает узелок и запекает*).

Мы с любимой долю горькую
Не видали никогда.
Шли мы с милой ясной зорькою
Сквозь счастливые года.

Горбатюк (*бросает ложку в пустой котелок, прислушивается*). Опять дождь...

Петя (*делает стежок, снова поет*).

Любо было в дни весенние
Разговаривать с землей.
Любо было в воскресенье
Петь колхозною семьей.

Горбатюк. Брось! Не могу я песни твои слушать. Как Степу убили, не могу! Щемит. Месяц прошел, а все щемит.

Пронин О Степе думку свою вот здесь держи, а щепь не мешай. Каждому дай по-своему жить, свое чувство иметь. Я, к примеру, Степана Крылова, может, больше твоего любил. Такого командира отделения я не встречал никогда. А песню хорошую слушать хочу.

Горбатюк (*Пете*). Ладно. Пой.

Петя. Теперь не буду.

Горбатюк. А я говорю: пой!

Петя. Да что ты пристал? То «брось», то «пой!»

Горбатюк. Эх ты, Петька! (*Обнимает его за плечи*.) Ну, вместе давай. Вместе. Как там у тебя? Прогучу-то? А?

Петя (*улыбнувшись*). Характерный... Сил нет. И как ты с людьми жил?

Горбатюк. А я не жил — мотался. Нынче Уфя — грузчик, завтра Орел — бондарь. Ну, начали... «Па-па-ти-лась...»

Петя (*встряхивает головой и поет*).

Накатилась туча черная,
Придавила зорьку тьма,
Душат пашню травы сорные,
Обезглазились дома

Размечу я тьму чуточку,
Зверя насмерть заколю,
Чтобы снова ночью лучшей
Тихо вымолвить: «Люблю».

Пронин (*закончив разбирать письма*). Тридцать два.

Петя. Счастливый ты человек, дядя Федор: что ни день — письмо.

Пронин (*убирая письма в вещевой мешок*). За-вод — семья большая. Со мной в цеху сорок восемь было. По одной писульке и то сколько наберется. А пишут все. Каждому подумать обо мне охота, словом ласковым обогреть. Знают, что письмо на фронте доро-же хлеба, дороже махорки.

Петя (*вздыхает*). Одному человеку, ясно, столько не написать. Ну все-таки раз в месяц можно. А уже второй пошел — хоть бы две строчки я получил. Слово-но Маши-то и не было никогда.

Горбатьюк. Ты любимой пишешь, он — на завод, Лагуткин — жене, Веселов — мамаше, а мне кому? Старик, ты мать свою помнишь?

Пронин. Мать всякий помнит.

Горбатьюк. А я нет. И не помню, и не знаю. Все один по миру болтаюсь. Как есть, один.

Пауза.

(*Вздыхает.*) Говорят, нет ничего слаще, чем когда мать тебя пожалеет.

Пронин. Ты, Горбатьюк, не грусти...

Горбатьюк. А ты не жалеи,— не мать! Мужская жалость — обида одна: к земле гнет... У кого котелок-то брал?

Пронин. Вавиловский.

Горбатьюк (*хватает котелок и громко запекает*).

Размечу я тьму чугунную,
Зверя насмерть заколю...

(*Шагает вверх через несколько ступеней и скрывается.*)

Пронин. Неясный человек, а стоящий.

Небольшая пауза.

Петя. Чудное дело, дядя Федор! Жили мы с Машией в Плетешках через улицу — окно в окно; день-два пройдет — не встретимся; а теперь — километров тысячи, а все вместе да вместе. Рою окоп, гляну — она: корень отбросит, землю отвалит. Ши ем — возле на пенек сядет, хлеб подаст. Шить стану — нитку вденет. И гоню я ее и выговариваю ей: дескать, не место здесь тебе, фронт, мешаешь! Нет, не уходит.

Пронин. Говоришь ты складно, а думаешь наизнанку. Нешто любовь может мешать? Да она, милый человек, первый командир: она крепче всех в бой ведет.

«Эй! Други!» — слышится чей-то голос, и, проехав каблуками по ступеням, в землянку скатывается взбудораженный Горбатюк.

Горбатюк. Петька, танцуй! Старик, письмо!

Петя. От Маши?! Костя, от нее? Костя!

Горбатюк. От кого... не знаю.

Пронин. Да ты толком скажи — кому.

Горбатюк. Кому?.. Тоже не знаю. На, разберись. *(Протягивает письмо.)*

Пронин *(неторопливо надевает очки)*. «Лучшему бойцу отделения погибшего Степана Крылова». *(Повертывает конверт, смотрит на Горбатюка.)* Да где ты взял его?

Горбатюк. Только я котелок Вавилову сдал, ложку об язык обтираю — капитан. «Вот, — говорит, — письмо. Неси к ребятам. Сами решайте, кому читать».

Пронин. Любопытно... *(Снова взглядывает на письмо.)* Лучшему...

Горбатюк. Я бы такое в шапку зашил. Хочешь отнять — бери с головой.

Петя. Задача...

Горбатюк. Стой! Знаю кому. Старик, твое! Доброволец — раз! Орден Славы — два! Тридцать фрицев на счету — три! Вскрывай!

Петя. Верно! А голова-то, голова какая! Книга большая!

Пронин. Все сосчитали. (Пете.) Дай гимнастерку. (Берет петину гимнастерку, разворачивает ее, встряхивает.)

Тихо звякают друг о дружку три медали.

Вот иде книга! Читай. Одесса. Севастополь. Сталинград. В три жизни не вложишь. А у хозяина борода плохо растет. (Бросает гимнастерку, сует Пете письмо.) Держи!

Петя. Да ты что? Дядя Федор? Мне? (Растерянно вертит в руках конверт и решительно кладет на нары.) Не мое оно! Не мое! Что я лучше всех?

Горбатюк. Ду-ура! Старик рассудил, значит, твое.

Петя. А по-моему, твое.

Горбатюк (угрюмо). Повтори!

Петя. Твое.

Горбатюк неожиданно толкает Петю в прудь, валит на нары, прижимает к ним.

Пронин (хватает его за руки). Горбатюк! Дурной! Горбатюк (оставляя Петю). Нарочно это он... Насмех.

Пронин. И никакого смеха. Давай считать! Двух снайперов ты снял? Снял.

Горбатюк. Петрович!

Пронин. Трех языков привел?

Горбатюк хлопает пилоткой о нары и бросается к выходу.

(Хватает его за рукав, усаживает.) Сядь, Горбатюк, сядь! Вот так. Я, милые люди, с самого начала знал: не решить нам это дело. А поторговаться дал. Поспоришь — видней. Ну, почему тебе, мне, ему? Ведь нас в отделении еще восемь. Или те, что сейчас на задании, с кандидатов снимаются? А за каждым из них разве ничего нет? Что значит «лучший»? Все мы равные. Вот и выходит: надо на счастье. Вяжи узелок.

Петя Есть узелок! *(Быстро завязывает узел на платке, отворачивается, вытаскивает из кулака ушки.)* Сейчас за себя, а потом за всех остальных. Ну, кто первый?

Горбатиук. Давай! Чтобы сразу со счетов долой. *(Берется за ушко, вытаскивает узелок.)* Мне!

Пронин *(бережно берет письмо и вкладывает в руку Горбатиука)*. Владей!

Горбатиук. Почему же мне?

Пронин. А ты не думай — читай! Петя, прожектор подвинь.

Петя загородил огонь ладошкой, переставил коптилку.

Горбатиук *(нерешительно)*. Рвать?

Петя Не томи!

Горбатиук *(еще раз поворачивает письмо, потом торопливо вскрывает конверт и заглядывает в конец вынутого листка)*. Други! Други! Крылова! Мать Степана! Мать!

Пронин. Вон оно что.

Петя. Кры-ло-ва?..

Горбатиук. Да садись, не мешай. *(Подсаживается к огню, начинает читать.)* «Дорогой ты мой, милый ты мой.» *(Останавливается, переводит дух.)* «Родненький. Назвала бы я тебя...» *(Вдруг протягивает письмо Пете, отворачивается.)* Читай...

Петя *(взглядывает на Горбатиука, расправляет листок и продолжает)*. «Назвала бы я тебя по имени ласково, да не знаю. Один ты мне близкий сейчас, самый близенький. Ведь рядом со Степушкой, с сыночком моим, в бой шел, с ним вместе за меня старую, за всех людей наших жизнь свою отдавал. Отплати, родимый, за Степушку, за меня, за слезы мои, за боль жгучую...»

Горбатиук *(вскочил)*. Петька! Да я... Роту на меня пусти, роту! Один на нее пойду! *(Схватывается за гранату.)*

Пронин. Дай сюда! Дай! Еще бросишь.

Горбатиук *(выпускает гранату, садится)*. Злоба-то какая!

Пронин. Ты сразу-то всю ее не расплескивай. Побереги. Мы, Костя, в Берлине ее до конца выльем. А до него рукой подать. Одер-то — вот он... Читай дальше.

Петя. «И не забывай ты меня. Пиши хоть немножечко. Тошно мне без сыночка жить. Будь ему братом названным. Утешь меня старую». (Смолкает.)

Пронин. Ну?

Петя. Все. И адрес.

Горбатюк (выхватывает письмо из рук Пети). Петя, пой! Пой громче! На всю землю пой!

Петя. Ты что?

Горбатюк. Нет, нет! Шапку снимай! Други, шапки снимайте! Матери кланяйтесь! Горю ее кланяйтесь! (Прижимая письмо к груди) Я его, как святыню, хранить буду.

Пронин. А ты говорил — один... Вот и у тебя теперь...

Горбатюк (перебивая). Молчи, Петрович, молчи. Есть слова — вслух не скажешь...

Пронин. Да-а... Это письмо всем бы прочесть. Фронту всему. Хорошо бы всегда вот так. Чтобы товарищ за товарища погибшего в семью его, как близкий, входил.

Петя. Тогда, случись что, и Маше, глядишь. кто-нибудь за меня написал бы.

Горбатюк (вдруг вскакивая). Петя, бумагу давай. Пять, десять листов! Мне за тридцать лет написать надо!

Пронин. А ты не торопись, ты пока за «сегодня» отчет дай.

Петя. Хочешь, составлю? У меня такие слова есть — огонь! Я для Маши их много придумал. Красивые!

Пронин. Каждому человеку свои слова нужны, хоть корявые, да свои. Ты, Костя, пиши, как умеешь, лишь бы правда от сердца шла. Ведь первый раз в дом свой новый заходишь. И кто знает: ты ль ей в горе отраду несешь, она ль тебе жизнь вторую дает?.. Я, видишь ли, милый человек, как смотрю у каждого

на нас сейчас две жизни: одна здесь, на фронте, другая там, дома. И вся-то здешняя жизнь — только путь-дорога, большая, долгая да трудная, к той, второй жизни, к дому дорога. А у тебя его и не было.

Горбатюк Я... так напишу.. так.. (*Задумывается*)

Петя. Ты, Костя, вот с чего начни..

Горбатюк. Погоди, погоди, знаю. (*Ловит крандаш и начинает старательно выводить на бумаге какие-то слова.*)

Петя. Э! Не выйдет у него.

Пронин. А ты не мешай. Видишь, человек себя нашел. Пиши, Горбатюк, пиши. А как будешь кончать, добавь, так, к примеру, добавь: «У Степана не я один, а десять братьев». Десять. Все отделение. Понял? «И. дескать, все мы десять вас за мать свою почитаем. И что бы ни было, никогда вы одна не останетесь. Один вместо другого всегда вставать будет». Вот.

Петя. И еще добавь: «Идем мы вперед с победою и скоро немцев вконец добьем. А закончим войну, приедем к вам и жизнь вашу, как сад большой, цветами лазоревыми изукрасим».

За тесною землянкой неожиданно раздаётся громкий голос.
•Пронин! Рожков! Горбатюк! Пулей вылетай! Все трое — склячки и схватывают шинели, винтовки, подсумки.

Горбатюк (*поспешно засовывая письмо в карман гимнастерки*). Петрович, письмо здесь, на груди! Помни!

Пронин. За победу!

Петя. За счастье!

Горбатюк. За солдатскую мать!

И все трое торопливо взбегают по ступенькам и исчезают. Огонек котилки вспыхивает и гаснет.

З А Н А В Е С

• • •

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
<i>М. Исаковский</i> — Слово об отчизне. ГУРК № 296/45 . . .	3
Слава Советской державе. Слова <i>М. Исаковского</i> , музыка <i>В. Захарова</i> . ГУРК № 297/45	6
<i>Хамид Алимджан</i> — Россия. ГУРК № 298/45	11
<i>Антон Пришелец</i> — Освобожденная. ГУРК № 299/45	11
<i>Гурген Борян</i> — Вперед! ГУРК № 300/45	14
<i>Семен Кирсанов</i> — Наступление. ГУРК № 301/45	15
<i>Вас. Лебеев-Кумач</i> — Победа. ГУРК № 302/45	1
<i>Степан Щипачев</i> — Весна 1945 года. ГУРК № 308/45а	18
Победный гост. Слова <i>С. Алымова</i> , музыка <i>А. Новикова</i> . ГУРК № 303/45	19
<i>Степан Щипачев</i> — Знамя. ГУРК № 304/45	23
<i>Алексей Сурков</i> — Дороги ведут в Берлин. ГУРК № 305/45	23
<i>Демьян Бедный</i> — arthaginem esse delendam! ГУРК № 306/45	24
Красная Армия, слава тебе! Слова <i>С. Алымова</i> , музыка <i>Д. Васильева-Буглая</i> . ГУРК № 307/45	27
<i>А. Твардовский</i> — Расплата. ГУРК № 308/45	33
<i>Исмаи́й Рожде́ственский</i> — Праздник победы. ГУРК № 309/45	35
<i>Алексей Сурков</i> — Аллея победы. ГУРК № 310/45	36
<i>Евгений Долматовский</i> — Праздник. ГУРК № 311/45	37
Песня дователей. Слова <i>И. Кармазина</i> , музыка <i>Вано Му-</i> <i>радели</i> . ГУРК № 312/45	39
<i>В. Каверин</i> — Говорит Москва. ГУРК № 313/45	47
<i>Сергей Васильев</i> — Медаль «За оборону Москвы». ГУРК № 314/45	50
Колхозная песня о Москве. Слова <i>В. Гусева</i> , музыка <i>Ф. Маслова</i> . ГУРК № 315/45	52
<i>Александр Прокофьев</i> — Москва, Москва. ГУРК № 316/45	54
<i>Всеволод Павловский</i> — Солдаты. ГУРК № 317/45	55

<i>И. Гришашвили</i> — Героям Сталинграда. ГУРК № 318/45 . . .	64
<i>М. Исаковский</i> — Весенняя песня. ГУРК № 398/45 . . .	66
Сталинград. Слова <i>А. Софронова</i> , музыка <i>А. Новикова</i> ГУРК № 319/45	66
<i>А. Твардовский</i> — Грозен счет, страшна расплата. ГУРК № 320/45	72
<i>Александр Прокофьев</i> — Ленинграду. ГУРК № 321/45 . . .	75
Песня о Ленинграде. Слова <i>К. Симонова</i> , музыка <i>М. Блан- тера</i> . ГУРК № 3 . 15	76
<i>Геннадий Фиш</i> — Костер на скале. ГУРК № 323/45 . . .	79
<i>Николай Панов</i> — Моряки в сопках. ГУРК № 324/45 . . .	84
Севастополь. Слова <i>С. Алымова</i> , музыка <i>К. Листова</i> . ГУРК № 325/45	89
<i>Евгений Воробьев</i> — Действительная служба. ГУРК № 326/45	94
<i>Зофия Квецинская</i> — Боевое братство. ГУРК № 328/45 . .	101
<i>Антон Пришелец</i> . Ромашка. ГУРК № 329/45	105
<i>Евгений Долматовский</i> — Восход солнца. ГУРК № 330/45	107
<i>Анатолий Софронов</i> — Полдень. ГУРК № 331/45	108
<i>А. Ульянинский</i> — Ее посылка. ГУРК № 332/45	109
<i>Ив. Трусов</i> — Огонь, ГУРК № 332/45	113
<i>Михаил Львов</i> — Урал. ГУРК № 333/45	117
Шел старик из-за Дуная. Слова <i>М. Рудермана</i> , музыка <i>Л. Бакалова</i> . ГУРК № 334/45а	119
<i>Цезарь Солодарь</i> — Три приятеля-дружка. ГУРК № 335/45	122
<i>Анатолий Софронов</i> — Конец войны. ГУРК № 336/45 . . .	123
<i>М. Исаковский</i> — Возвращение. ГУРК № 337/45	124
<i>Александр Прокофьев</i> — За рекой. ГУРК № 339/45	126
<i>Николай Рыленков</i> — Ожидание. ГУРК № 340/45	128
Возле сада. Слова <i>М. Лапирова</i> , музыка <i>Л. Бакалова</i> . ГУРК № 341/45	130
<i>Николай Панов</i> — Матросская песенка. ГУРК № 343/45	134
<i>А. Ульянинский</i> — В землянке. ГУРК № ТО-78/45	135

Цена 7 руб.